

Евт. Долматовский

стихи

из

дневника

Советский писатель

Евт. Долматовский

СТИХИ

из

дневника

Москва

Советский писатель

1986

ББК 84. Р7
Д 64

ОФОРМЛЕНИЕ АВТОРА

4702010200—448
Д—191—86
083(02)—86

© Издательство «Советский писатель», 1986 г.

I

Телефон Доверия

Новациями время наше меряя,
С восторгом извещаю,
Что введен
У нас в столице телефон доверия,
Поистине волшебный телефон.
Им пользоваться можно в крайнем случае,
Лишь для души...
(Какая в нем корысть?)
На все вопросы вы ответ получите,
Вас ждут мудрец,

сексолог

и юрист.

По должности они к вам будут чуткими,
Спасительно значение их бесед.
Ваш анонимный друг дежурит сутками,
Без перерыва на обед.
Разлюбленный,
Покинутый,
В отчаянье
Вы номер набираете.
И вдруг
Ответной речи доброе журчание —
Откройтесь, не стесняйтесь, я ваш друг.
Он выслушает сбивчивую исповедь,
Вздыхая на трагических местах.
Покажутся вам прописные истины
Великой новостью в его устах.

...Избыточно доверчив, тем не менее
Я был бы просто счастлив, если б мог
Найти в высоковольтном напряжении
Доверия хотя бы слабый ток.

Я знаю наизусть,
Я нянчу в памяти
Тот номер — исцеленье от тоски.
Звоню, звоню...
Там занято и занято,
Ночь напролет — короткие гудки.

1984

Я Родине предан...

Я Родине предан и мыслью и делом,
Но как-то неловко вести разговор
О том, что в мороз прикрывал ее телом,
О том, что руками цементный раствор
Замешивал,
Чтобы схватился фундамент
На месте былых глинобитных хибар,
В поселках, что стали теперь городами,
Кулеш деревянной ложкой хлебал.

Соавторы мы и участники чуда.
Себе не изменим,
С пути не свернем,
Какой бы крутой не была амплитуда
Меж завтрашним и послезавтрашним днем.

И все-таки,
Строгая даль идеала
Зовет, чтоб не смели расслабить сердца
Ни пустопорожние речи бахвала,
Ни вздохи глупца,
Ни восторги льстеца.
Останутся в соотношении тонком
Мечта и действительность,
Цель и маршрут.
А честь славословья доверим потомкам —
Когда-нибудь пусть нас добром помянут.

1984

Микрорайоны

Белый зимою,
А летом зеленый
Город, в котором я не был доселе.
Светятся новые микрорайоны,
Будто на землю звезды осели.
Переустройство огромного мира
Слишком легко
Повседневностью стало.
Вряд ли подходит приставочка «микро»
Многоэтажным этим кварталам.
Нету возврата к лачугам вчерашним,
Все ж новоселов тревожит законно,
Что одинаковы все эти башни,
Эти подъезды,
Эти балконы.
Время иное, масштабы другие,
Но признаюсь, что каким-то наитьем
Все же могу я понять ностальгию
По коммуналкам и общежитиям.
Что, тараканьих времен тебе жалко?
Надо ль идеализировать юность,
Видя в жаргонном словце «коммуналка»
Наше любимое слово Коммуна?
Неоспорима прогресса заслуга,
Только б не стали в своем микромире
Столь же похожими мы друг на друга,
Как интерьеры в каждой квартире!
Новое все хорошо при условии,
Чтоб не унизило дело большое
Сердце — ничтожною микролюбовью
Микросчастливчика
С микродушою.

Может быть, стал я избыточно строгим?
Что тут поделаешь —
Годы на склоне.
Люди, простите мне микротревоги
В нашем громадном микрорайоне.

1983

Земной вам поклон...

Киваем небрежно, друг с другом встречаясь,
А то и проходим, не сделав кивка.
«Приветик-салютик»,
Фальшивое «чао»,
Бесстрастное «будь»
И пустое «пока».

А сколько приветствий, простых и прекрасных,
Бытует на нашей земле испокон:
«Счастливо!»,
И «доброе утро»,
И «здравствуй»,
«Бывайте здоровы»,
«Земной вам поклон».

Но дело не только в огранке словесной —
Возникла опасность в утечке тепла.
Сегодня считается неуместным,
Чтоб чувства замешивались в дела.

Нужны ли
Свой почерк,
Повадка,
Походка,
С газетным стандартом несхожая речь?
Иль надо учиться у роботов четко
Слова экономить и время беречь?

Болезнь равнодушия и отчужденья
В двадцатом столетье распространена,
Но хочется верить, что метод леченья
Откроют в ближайшие времена.

Прошу не ворчать, если вдруг на рассвете
Звонком телефонным я вас разбужу:
Земной вам поклон
В двадцать первом столетье,
Как раз подрулили к его рубежу.

1984

Нам удивительно повезло

Десятилетия позади...
Виден предел.
Ограничен срок.
К Вечному огню подойди,
Личный свой возложи цветок.
Сколько б ресницы ни вытирал,
Ни закрывал ладонью лица,
Ясно проходим, что ветеран.
Люди поймут и простят бойца.

Годы безжалостно рассечены
На «до войны»
И «после войны»,
А посередке — сама она:
Жизнь-то одна,
А смерть не одна —
С фронта, с фланга, над головой...
Как получилось, что ты живой?
Новая юность, не обессудь,
Что продолжаем на свете быть.
Как соль,
Как боль
Проступает суть.
Память доныне — как кровь сквозь бинт.

Но нас, пожалуйста, не жалея —
Мы возвратились с минных полей.
Нам удивительно повезло,
Как бы ни было тяжело,
Мы победители всех невзгод.
Но убывает друзей число
В грозной прогрессии — каждый год.

Отдано пламени столько сил...
Ну, отчитайся, как после жил.
Как убеждался, что в мирном дне
Мужество требуется вдвойне:
Встречный, и часто неравный бой,
Чтоб оставаться самим собой.
Не отступая, свой бой веди,
Верь, что победа — не позади —
Жизнь продолжается,
И она
Не только тебе самому нужна:
Юноша с девушкой ветреным днем,
Когда изготавились петь соловьи,
Держат над Вечным нашим огнем
Чистые нежные руки свои.

1984

Наказ депутату

И поздравляю и сочувствую —
Какой ты груз взвалил на плечи!
Неси его, не зная устали,
Спеши, грядущему навстречу.

Знак депутатский — знамя алое
Отныне у тебя в петлице.
Должно великое и малое
В его эмали отразиться.

И крут и труден путь нетореный,
Но мы идем через крутизны,
Ответственны перед историей
За мир,
За сохраненье жизни.

Отстаивай людские чаянья
И не робей.
А мы поможем.
Твой голос обретет звучание,
На наши голоса помножен.

Учитывая наше мнение,
Служи народу,
Веря свято:
Не в услуженье,
А в служении
Честь и призванье депутата.

Для нас теперь ты — власть Советская!
У государственного мужа

Житейская наивность светлая
Пусть с мудростью державной дружит.

Гордись — тебе доверье отдано,
Но не кичись высоким саном,
Будь просто верным сыном Родины,
Таким, как все,
И лучшим самым.

1984

Свежий ветер

Районный оратор, готовый заране,
Взошел на трибуну с бумажкой в кармане,
Бумажку достал и ладонью разгладил,
И речь как завел, как повел, как заладил,
Глазами и носом припаян к бумажке,
Где буквы и мысли ползут, как букашки.

Бубнит он и мямлит, оратор районный,
Не слушает зал, безразличный и сонный.
Он понял — актив засыпает от скуки.
Для жеста придется задействовать руки.

Как только он поднял костлявые кисти,
Почувствовал волю исписанный листик,
И свежего ветра поток турбулентный
С трибуны унес его одномоментно.

Внесем в протокол: оживление в зале.
Бумажку ловили, да вот не поймали.
Оратор замолк, и растерян и бледен.
Но, видно, ему свежий ветер не вреден.

Отчаянье преодолел он.
И начал
Про наши труды, неудачи, задачи
Без всякой бумажки,
Прямыми словами,
Какими мы дома обходимся с вами.

Пожалуй, давненько районное вече
Такой деловитой не слышало речи.
Зал замер.

Но были, признаться, моменты,
Когда он срывался на аплодисменты.

Вот притча и вся...
В заключение заметим,
Что очень полезен для нас свежий ветер.

1983

Болтовня

Нет, в болтовне обыкновенной
Я равенства не признаю,
Никак не примирюсь с обменом
Пустых обид на боль мою.

Оставь! Такое сочетание
Нам для бесед не подойдет,
Я не отдам душевной тайны
За твой дешевый анекдот.

Не сговориться нам, не спеться,
Не соглашусь с тобой никак,
Что цель оправдывает средства,
А совесть — мелочь и пустяк,
Что кто-то обошел кого-то,
Недодано кому-то что-то,
А где-то кое-что не так,
Что снова врет бюро погоды,
Что вышли, кажется, из моды
Не то пальто, не то пиджак.

Но продолжаем в том же стиле
Фальшивых мелочных страстей,
Запутываясь в паутине
Неинтересных новостей.

...Большое искреннее слово
Я как сокровище храню,
А все-таки рискую снова
Нырять в пустую болтовню.

Полемика

Прежде чем шептать о доброте,
Вы свою утихомирьте злобу.
Добротою промышляют те,
На которых негде ставить пробу.

Как они к самим себе добры,
Как для ласки подставляют щечку.
Разглядеть непросто до поры
Истину сквозь эту оболочку.

Но когда поймешь и разберешь
Под улыбкой острие оскала,
Прочь гони их сладенькую ложь,
Чтобы до смерти не заласкала.

Я отнюдь не злыдень, но пока
В доброту рядится воля злая,
Выдавать себя за добряка
Не могу, не смею, не желаю.

Знайτε, лицемеры, я ваш враг,
Не перекреститься нашим взглядам.
Для покрытия жизни вреден лак,
Как бы он не оказался ядом.

1983

Бермудский треугольник

Район, который знает каждый школьник,
На карту глянь — в момент его найдешь.
Под нами — там, внизу,
Бермудский треугольник,
Чье прозвище — и то бросает в дрожь.
Тут наши жизни не в руках пилота —
В ладонях бури...
Чувствую в тоске,
Как рейсовый корабль Аэрофлота
Трепещет, словно рыбка на крючке.
Под нами, там, внизу,
Циклон, наверно, спятил,
Расколошматил в прах маячные огни,
А наверху остались мы одни,
И на табло зажглось не клинопись-заклятье,
А «не курить и пристегнуть ремни».
Срываются с высокой полки вещи,
В салоне в полдень — грифельная тьма.
Подписывают молнии зловеще
Сертификат, что мир сошел с ума.
Перекосились пассажиров лица,
Чугунно тяжелеет голова.
Молись!
Но не умею я молиться!
Пора прощаться с жизнью?
Черта с два!
Как в песне «помирать нам рановато»,
Вписаться в треугольник недосуг.
Подобной геометрией когда-то
Я был испытан.
Вспоминаю вдруг
Дорогу меж пристрелянных квадратов

В долине смерти.
И полярный круг.
Бермудский ураган, захлебываясь злобой,
Чертежною работою особой
Сопровождает свой органн⁷ый гул.
Не нужен параллелепипед гроба
Тому, кто станет лакомством акул.
А может, над Бермудами — скрещенье
Вчерашнего и завтрашнего дня?
И если дикой музыки крещендо
Уже готово оглушить меня,
Так я как раз из этой крутоверти
Всегда — без отпусков и выходных,
До самой смерти не хочу, поверьте,
Чтоб вихрь судьбы смирился и утих.
...Вошел пилот, отжавший еле-еле
Дрожащую двухстворчатую дверь.
— Ну, кажется, Бермуды пролетели! —
Табло погасло.
Что нас ждет теперь?

Комендантский час

Смуглый остров золотого чая,
Как мне объяснить твою беду?
Бог, для рая место выбирая,
Ходит слух, имел тебя в виду.
Океан, как россыпи сапфира,
Джунгли — как оживший малахит.
Но в раю сегодня нету мира,
Ночь Колombo взрывами грозит.

Пусто в городе, темно и страшно.
Не спешит позолотить рассвет
Поперек дороги к телебашне
Баррикады выгнутый хребет.
Комендантский час по всей Шри Ланке,
На Цейлоне — комендантский час,
И слоны, угрюмые как танки,
Смотрят в темень прорезями глаз.

Выжжен след нирваны изначальный,
Перекошен злобой лик земли:
Два народа под одною пальмой
Здесь, в раю, ужиться не могли.

Я давно живу на белом свете,
Видел и погромы, и вражду.
Знаю: племенные распри эти
Всепланетную таят беду.
Жадные глаза хозяев прежних
Со своих дредноутов следят
За несправедливой схваткою,

В надежде
Вновь поработить тот райский сад.
Бомбы рвутся. Люди умирают.
Над убитым сыном плачет мать.

Как мечтал я написать о рае,
Но придется отложить опять...

1984

Берлин, 10 мая 1933 года

Коричневой Германии позор —
Взметнувшийся над площадью костер,
Костер из книг в зловещем тридцать третьем.
Под оголтелый вой штурмовиков
Вдруг сделался Берлин средневеков,
Хотя тот день двадцатым слыл столетьем.

Был, как пророк, великий Гейне прав,
Сто лет назад сурово предсказав
Вслед за кострами книг — людей сожженье.
Сперва фашисты только книги жгли,
Но вскоре ввергли в пламя полземли
И сгнули в позорном пораженье.

А пепел книг стал нашей сединой...
И если нам опять грозят войной,
Воздев, как факел, к небесам ракету, —
Сплотимся, человечеству служа,
Как книгу жизни, бережно держа
В своих ладонях мирную планету.

Берлин
1983

Стружские вестера

Югославская округа,
Поэтическая Струга.
Под последним летним солнцем
В центре взрывчатых Балкан
Поднимаю с македонцем
К небу — озеро бокал.

Берег в виде полукруга —
Поэтическая Струга.
Нежных персиков планеты
Девичья коничность груш,
И влюбленные поэты —
Сто равнодушных душ.

Долг, а может, и заслуга —
Поэтическая Струга.
От братания до спора
Все здесь будет... Ну и что ж,
Македонский танец хора
И для негра стал хорош.

Излечи нас от недуга,
Поэтическая Струга,
Исцели от мелкословья,
Мудростью налей слова.
Лишь пропитанная кровью
Будет лирика права.

Узел дружбы стянет тугу
Поэтическая Струга,

Станет малою моделью
Доброй близости людской,
Общей тяжестью разделит
Современный непокой.

Встреча и прощанье с другом —
Поэтическая Струга.

1982

Туристы из США

Мир жаждой путешествий болен,
Печален, весел, бестолков.

Привез в Москву заморский «боинг»
Американских стариков.
Они гостили на Таити,
Ловили в Бергене форель.
Зачем вам надо, объясните,
Лететь за тридевять земель?
А им вот кажется полезным,
Житейский закругляя путь,
За грозный «занавес железный»
Хотя бы только заглянуть.

Мужья худы, щеголезаты,
В спортивных древних пиджаках,
Их фотокиноаппараты,
Как гири, виснут на боках.
Взирают дряхлые колумбы
На нас
Сквозь темные очки.
На шляпах женщин, как на клумбах,
Цветов искусственных пучки.
Несут старушки говоруньи
Свой мертвый сад на голове.

Их ждут в Тбилиси в полнолуние,
А белой ночью — на Неве.
В Большой нельзя достать билета,
Но мы своим гостям простим,
Что звезды русского балета
Давно уж светят только им.

Пусть в первый раз едят пельмени,
Пусть смотрят через объектив,
Пусть «ах вы сени, мои сени»
Поют, коверкая мотив.
Сияют хрусталем обеда,
Все достиженья — напоказ!
И только трудности и беды
Пускай останутся при нас.

Вернутся на исходе лета
Они в оплаченный свой срок.
Филадельфийская газета
Опубликует пару строк:
Тур получился бесполезный,
Их русский обхитрил медведь —
Ведь даже «занавес железный»
Не удалось им разглядеть.

1985

Колмоше Зацепты

Звездочка моя,
Давай гадать по звездам!
Как прекрасны
Звездный дождь,
Парад планет
И звездный час.
...Устарело это все и несерьезно —
Звездным ужасом испытывают нас.
Раковая опухоль прогресса —
Атом
Новых требует потерь:
Зоной президентских интересов
И вселенная объявлена теперь.
Все растут запасы гибели на свете,
Страх живет
В глубинах чистой синевы.
Четырех минут достаточно ракете
На полет
От Сан-Франциско до Москвы.
Ну а вдруг еще быстрее путь обратный,
И на берег
Ваш
Обрушится напасть?
Нет! Ваш берег защищен
Советской клятвой:
Первыми не тронуть, не напасть.
Неужели там, за океаном,
Недостаточно опасностей земных,
И мечта стремилась к марсианам,
Чтоб ракеты разместить у них?
Ты прямолинеен — завопят эстеты.
Спорить с ними нету времени, ей-ей.

Не прямолинейней, чем полет ракеты,
Траектория поэзии моей.
Я прошу ООН о мерах жестких:
Надо в космосе порядок навести,
Регулировать на звездных перекрестках
И в районе Млечного Пути.
Осторожнее!
Туманности на фланге!
На Сатурне — гололед,
Всем спутникам в объезд.
Дозревает ночь.
И пролетает ангел —
Неопознанный летающий объект.

1985

Из песен...

Земля людей

Земля людей — стара, многовекова,
И в то же время вечно молода.
Исток любви, бессмертия основа,
Земля людей,
Тебе грозит беда.

Земля людей, ты кажешься огромной,
А вот Гагарин знал, как ты была мала.
Всегда в огне, среди раскатов грома
Земля людей
Счастливой не была.

Земля людей, тебя бросали войны
Из непокоя в новый непокой.
Совсем другой ты участи достойна,
Земля людей,
И весь наш род людской.

Земля людей, прекрасная планета,
Во всей вселенной, может быть, одна.
Сияй для всех спокойным чистым светом,
Земля людей,
Зачем тебе война?

Земля людей! Так дорог этот образ!
Мы твердо верим — мир непобедим.

И мы тебя, земля надежды доброй,
Земля людей,
В обиду не дадим!

1984

Орешек

У ледяного моря Баренца
Я вижу дерево под ветром.
Оно от вьюги не сгибается,
Его зовут сибирским кедром.
Скажи, откуда это дерево
Такой красы, такого роста
Пришло сюда, на скалы Севера,
Где низко стелется березка.

Я вспоминаю ветры острые,
Я фронтовые помню были:
Служил на Кольском полуострове
Красноармеец из Сибири.
В часы прощания сурового
Его девчонка-недотрога
Орешки всыпала кедровые
В карман шинели на дорогу.

Была шинель в атаке ранена,
Орешек выпал из кармана.
Растет под северным сиянием
Теперь таежная громада.
Так вот откуда это дерево
Такой красы, такого роста
Взошло сюда, на скалы Севера,
Где низко стелется березка.

1985

Песни о маршале Жукове

На нашем фронте самым старшим
Был сын калужского села,
Неулыбающийся маршал
Нас вел на ратные дела.
Всех полководцев был он строже,
Пред ним дрожал заклятый враг,
И мы его боялись тоже.
Теперь признаюсь — было так.

Всегда на главном направлении
Он появлялся в нужный час.
От обороны в наступление
Он вел войска и верил в нас.
Известно всем, какие бури
Мы одолели в те года.
Над картой маршал брови хмурил,
Не улыбался никогда.

Но этот самый маршал грозный
Был наш товарищ, друг большой,
Не из гранита, не из бронзы,
С широкой русской душой.
В Берлине дымном, после боя
С победой поздравляя нас,
Явился маршал перед строем
И улыбнулся в первый раз.

1985

Миражи

Миражи, миражи, миражи
Возникают над зыбью песчаной.
Расскажи, расскажи, расскажи,
Что там видно в пустыне печальной?
Там зеленый оазис прохладой дышит вдали,
Белый город возник и по морю плывут корабли.
Но виденье в песок вдруг ушло без следа —
Это зной, а совсем не вода.

Миражи, миражи, миражи
Встали вновь на тропе караванной.
Расскажи, расскажи, расскажи,
Как ступить на тот берег желанный?
Чтобы берег увидеть не только в неясной дали,
Мы по желтым пескам за живою водою пришли,
Но пока и моря, и домов этажи —
Это все миражи, миражи...

Миражи, миражи, миражи
Нас манили к себе не однажды.
Расскажи, расскажи, расскажи,
Как нашли мы спасенье от жажды?
Мы построили город, что был лишь виденьем
вдали,
Мы построили море, и вправду — плывут корабли.
Места нет на земле для обмана и лжи,
Мы должны победить миражи.

1979

Песня из фильма «Человек меняет кожу».

Песня для близких друзей

Эта песня — для близких друзей,
Всем подряд признаваться неловко,
Что главное в жизни моей —
Автобусная остановка.

Спешу я к семи тридцати
По утренней улице гулкой,
Пытаюсь глазами найти
На той остановке фигурку —

А может быть, нам по пути?

Два автобуса в две стороны
Разбегаются быстро отсюда.
Маршрут изменить не вольны,
Стоим в ожидании чуда.
Проклятую робость прости.
Прошли два автобуса мимо.
В одном направлении идти
Им, кажется, необходимо.

А может быть, нам по пути?

Я так много вам должен сказать,
Так давно к этой встрече готовлюсь.
Но вдруг растерялся опять,
И снова уходит автобус.
Я завтра хочу подойти,
Решусь и нарушу молчанье.
Ведь ровно к семи тридцати
Приходит она на свиданье...

А может быть, нам по пути?

III

Престиж

Престиж, проникший в быт,— явление страшное.
Чтоб не престиж, а честь не уронил,
Советую:
Себя
Почаще спрашивай —
Ты обыватель или гражданин?
Юнца,
Носящего клочкобородое
Лицо купца, боярина, Христа,
Я огорчу:
Престиж он спутал с модою,
А мода ненадежна и пуста.
Престижно
Сочинение и чтение
Стихов, где бродит нищенкой мечта,
И все волнения и откровения,
Как говорится, ниже живота.
Престижно,
Чтобы подписным изданием
В прихожей узкой был украшен шкаф,
Чтоб стал библиотеки основанием
Не граф Толстой,
А Монте-Кристо граф.
Престижна
Финской бани тьма белесая.
Вы похудели — главный комплимент.
Престижно,
Чтоб наследник был не слесарем,
А красовался в званье «референт».
Престижно,
Чтобы краской ядовитой
Умела веки оттенить жена,

Чтоб к телевизору приставка видео,
Да только вот кусается цена.
Пониженно пишу,
Пишу пристыженно —
Вдруг ты меня, читатель, не простишь,
Считая, что сегодня не престижно
Иронией затрагивать престиж.

1984

Интерьер

Да, мы в прогресс втянулись, братцы,
Культурны стали...
Например,
Жилища нашего убранство
Теперь зовется интерьер.
И в этом самом интерьере
Необходимы (видит бог!)
Сто новых книг по крайней мере,
Интеллигентности залог.
В отставке слоников шеренги,
На полке встретишь их едва ль.
На книги стоит тратить деньги,
А также собирать хрусталь.
Но лучше всех библиотека.
(С гардинами повременим.)
Не хочет отставать от века
Наш современный мещанин.
Мучительны его заботы!
С энтузиазмом, лично, сам,
Он подбирает переплеты
И расставляет по цветам.
К изданицам в простых обложках
Увял давно уж интерес,
Их отнести на рынок можно,
В макулатуру сдать. На вес.
Поэтов светопреставленье.
Тот желтоват, тот просто сер.
Жаль, нету времени на чтение,
Зато отличный интерьер.

1984

Насчет Вспоминаний

По мере отдаления событий,
В которых сам участие принимал,
Ты кажешься себе
Все знаменитей,
Хоть был в ту пору ни велик ни мал.
Мы не были, конечно, желтороты,
Пост занимали важный на войне,
Высоким уровнем стрелковой роты
Весьма довольны и горды вполне.
На узком заболоченном участке
Захватчикам давали мы отпор,
И в общем-то и целом — это счастье,
Что выжили,
Что живы до сих пор.
И ты совсем не стар, дружище старый,
Мы на подъем по-прежнему легки,
Но нас, сверкающих как самовары,
В президиум несут под локотки.
Рассядемся, застынем в напряженье —
Ведь представляем целые фронты,
По одному от каждого сраженья:
От Сталинграда я,
От Курской битвы — ты.
И я уже себя ловлю нередко
На том, что просочилась в мой рассказ
История, как будто бы в разведку
Верховный лично сам отправил нас.
Я разорвал блокаду Ленинграда,
Пять сопредельных стран освободил.
Утихни, говорю себе, не надо...
Да вот остановиться нету сил.
Мелькнул в кино и телесериале

Надуманый какой-нибудь сюжет,
А мы его уже приплюсовали
К своим воспоминаньям грозных лет.
Товарищи!
Вернемся в рядовые,
Какими послужили мы России!
Хочу по праву вашего поэта
Вопрос поставить на повестку дня
О достоверной памяти...
За это
Не надо обижаться на меня.

1985

Старые газеты

В чулане старые газеты.
Их непременно перечти,
Найдешь в них времени приметы,
Уже забытые почти.
Гибрид поэзии и прозы,
Что на свету, а что в тени.
Предположения.
Прогнозы.
Сбылись иль не сбылись они?

Ударных строек телеграммы
Спешат со всех концов страны,
А вот трагедии и драмы
В печати не отражены.
Зачем при всем честном народе
Тревожить личные дела?
Лишь объявленьям о разводе
Уступка сделана была.

...Я помню местных журналистов,
Верставших номер до зари,
Их алебастровые лица,
Святящиеся изнутри.
До завершенья пятилетки,
Представьте, некогда прилечь —
Весь мир зависит от заметки
Про недостроенную печь!
Должна газета выйти в срок,
А тут досыл — двенадцать строк!

Стих отложить необходимо,
И в номер заверстать взамен

Про перелет Авиахима
И новое снижение цен.
А что у Мейерхольда в театре,
Что нового в немом кино?
Полно неясностей...
Но завтра
Все в жизни будет решено!

Я старые газеты в руки
Беру...
Издавека видней.
Вот так же улыбнутся внуки,
Склонясь над прессой наших дней.

1985

Город к празднику бурно готовится.
Много шуму и минимум толку.
Тридцать дедов морозов
В автобусе
Выезжают работать на елку.
Перекошены ватные бороды,
Осыпаются блестки с поддевок.
По дворцам новогоднего города
Их развозят, согласно путевок.

Малышей отвлеките, родители:
Слишком вид этих дедов затаскан.
Только б жалкий парад не увидели
И не рухнула вечная сказка.
Впрочем, здесь эта сказка не вечная —
(Просто взлет беспардонной халтуры).
Жалким текстом она обеспечена
При месткоме,
в отделе культуры.

Обнаружив, что фея-снегурочка
Курит в кафельной мгле туалета,
Зарыдала дошкольница Шурочка,
Неспособная выдержать это.
А снегурочка с дедом уехали,
Позабыв о раздаче подарков:
В день четыре спектакля!
До смеха ли?
Грим расплавился.
Душно и жарко.

Говорю не в насмешку, а с болью я.
Даже взрослому некуда деться:
Мучит стыд.
И не хочется более
Возвращаться в счастливое детство.

1983

Предки

Знамениты мои товарищи
(Приходилось, наверно, слышать?),
Их фамилии называячи,
Сам становишься как бы выше.

Как сумели вы стать героями,
Кто со звездочкой, кто без оной,
Как отстаивали и строили
Мир свой, в будущее влюбленный.

Межпланетные люди русские
С «Интернационалом» — гимном,
Им никто не давал инструкции,
Как за Родину жить и гибнуть.

Просто действовали по совести,
Чувства переводя в рефлексy,
И себя отдавали полностью,
Клеветы не терпя и лести.

У эпохи, да в самом кратере
Обжигались дыханьем лавы.
Как гордились отцы и матери
Тем, что дети на пике славы.

Но явление теперь обратное
Наблюдается, коль вглядеться,—
Что родителей имя знатное
Стало чем-то вроде наследства.

Что иные сыны и дочери,
Переростки и малолетки,
Полагают,— им в рай без очереди
Можно, если такие предки.

1984

Пусть летит

Есть такие люди — центробежные,
Главное для них — чтоб тишь да гладь,
Чтобы оставалось все по-прежнему,
Чтоб поменьше дать,
Побольше взять.

Так всю жизнь они на месте топчутся,
Крутятся на холостом ходу.
Пережитки есть и в нашем обществе,
Не записанные на роду,
Не оставшиеся нам от прошлого,
А возникшие уже теперь,
Как нарост на поиске хорошего,
На привычке верить и терпеть.

У бойцов, мечтателей, строителей
Есть другой закон,
Другой устав:
В жизни разворот цетростремительный
Устремляться, крылья распластав.
Там, где поиск, будет и открытие.
Не боясь, идут они на риск,
Не желают прятаться от критики,
Их девиз —
За истину борись.
Не деля на общее и личное,
Надо жизнь раскручивать всерьез,
Ну а все отжившее и лишнее
Пусть летит как пыль из-под колес.

Впечатления прошлого лета

На пороге бедняги Университета,
У дверей институтских,
Расшатанных вдрызг,
Набухает удушьё «приемного» лета,
И звонки телефонов похожи на визг.
О способном ребенке звонили «оттуда»,
Но не слышно откуда — бушует толпа ж.
Ректор в отпуск умчался.
Проректору худо,
Все опаснее прессинг мамаш и папаш.
Чтоб унять этот конкурс родителей,
Нужен
Протокол милицейский, не то чтоб стихи:
Приглашают дежурных вахтеров на ужин,
Лаборанткам французские дарят духи.
А тем временем чью-то особую внучку
В деканат черным ходом проводят за ручку.
Репетитором туго накачанный олух,
В окружении с юга приехавших дядь,
Задыхаясь, потея, плутая в глаголах,
Молит двойку ему переправить на пять.
Тут и гений дзюдо,
И звезда волейбола:
Их рекорд — побежденная высшая школа.
Это конкурс — воистину — папин и мамин.
Я родителям всем
И радетелям всем
С дорогой бы душою устроил экзамен,
Предложил бы по выбору несколько тем:
Как вы там, у себя, на ответственном месте,
Как вам нравятся шашни ловчил и пролаз?

Все ль в порядке у вас относительно чести?
Разве писан советский закон не про вас?
Что ответят они?
Приструните задиру!
Сочинял бы он лирику, а не сатиру.
Он клеветает на нашу действительность...
Или
Все потомки его в институт поступили?

1980

Если вы проснулись в прекрасном настроении,
Будьте осторожны:
Не звоните по телефону в цветочный магазин,
Чтобы узнать, есть ли в продаже гвоздики и розы.
Очаровательное контрольно
Пошлет вас к чертовой матери:
Ишь, цветов ему не хватает!
На рычаг гильотиной опустится трубка.

Если вы переполнены нежностью к детям,
Будьте осторожны!
Не заигрывайте в троллейбусе
С карапузом, который и вам улыбнулся.
Милейшая бабушка
Заговорит командирским голосом:
Не приставай к моему ребенку,
Не дыши на него, проходимец эдакий!

Если вам удастся
Дотянуть до программы «Время»,
Не получив словесной оплеухи,
Никого, в свою очередь, не оскорбив,
Никого не обидев в семейном кругу,
Сохранив душевное равновесие,
Разрешите мне написать ваш портрет —
Я ищу натуру для идеального героя.

1983

Апофеоз ревности

Ну что ты наделала, ревность!
Я просто понять не могу,
Когда превратилась царевна
В стандартную бабу-ягу.

Вдруг — летом — морозы, метели,
Хрипят и скрипят соловьи.
Скукожились и почернели
Вчерашние розы мои.

Как выстрелы хлопают двери,
Зрачков обнажились ножи.
Конечно, здесь правде не верят,
Как, впрочем, не верят и лжи.

Однако надейся, влюбленный,
Терпенье на помощь зови:
Ведь ревность — пускай отдаленный,
А все-таки признак любви.

1983

Попытка измены

Люблю, конечно, но не так влюблен,
Как при начале нашего маршрута.
Свидетельство тому —
Довольно подлый сон,
Что утром не забылся почему-то.
Во сне пришло решение —
Согрешу!
Святой я, что ли?
Не судите строго.
(Но юмористов все-таки прошу
Повременить с пародией немного.)
Ты рядом спишь.
Я осторожно встал
И улизнул
Тайком,
Не скрипнув дверью.
Сумятица остывших одеял
Дышала незаслуженным доверьем.
Я шел,
А может быть, парил во тьме
То дельтапланом, то летучей мышью,
И радостно и страшно было мне
Шарахаться то в бурю, то в затишье.
На лифте еду.
И вхожу,
Причем
Замок чужой открыв своим ключом.
Банальная измена?
Ни черта!
Коль так стыдлив, сомкни покрепче веки.
Так вот она, запретная черта,
Блаженство, как писали в прошлом веке.

Однако все знакомое вокруг —
И книги те же,
И предметы те же.
На всем следы твоих забот и рук...
Коль я не дома у тебя, то где же?
И сразу пробужденье.
Лучик дня
Лукаво скрещивает наши взгляды.
Доверчиво ты смотришь на меня
Из-за своей пуховой баррикады.

1983

Тропинка - недотрога

Прости, цветок, прости, травинка,
Не из упрямства, не со зла
Опять протоптана тропинка
Там, где всегда она была.

В могучем парке, в царстве кленов
Едва заметная стезя
Петляет по своим законам,
Которых отменить нельзя.

Ее сто раз перекопали,
Ввели табличку «хода нет»,
Но вразумит людей едва ли
Райкоммунхозовский запрет.

Под крики сторожа-служаки,
Под знаками «кирпич» и «стоп»,
Как прежде, поперек лужайки
Босые ножки топ да топ.

Мы в жизни проложили много
Путей, дорог и всяких трасс,
Но здесь тропинка-недотрога,
Она была еще до нас.

А ты про что?
А я про то, что
Есть невозможные дела:
Тропинку все равно протопчут
Там, где всегда она была.

1983

Односельчане

Над грейдером — столбы горючей пыли.
Отходят наши.
Гром уже вдали.
На пятый день враги в село вступили,
Фашистские порядки навели.
Врасплох застигнутые смерчем страшным,
Остались бедовать в селе своем
Два юноши,
Два школьника вчерашних,
Покамест не виновные ни в чем.
Как дальше жить?
Что делать им, безусым?
Жизнь быстро раскололась той порой:
Один поганцем оказался трусом,
На путь борьбы спокойно встал второй.
Мы до сих пор подробностей не знаем,
Но вот простая схема их судьбы:
Один завербовался полицаем,
Другой листовки клеил на столбы.
Он не был связан с Центром или штабом,
Не проходил по спискам партизан,
Но и один,
Тот воин не был слабым:
Он сам себя к отмщенью обязал.
Убить друг друга!
...Пропустили сроки.
Вернулись наши...
Найдены в селе
И мой герой — подпольщик одинокий,
И тот, кому нет места на земле.
Сюжет не новый: совесть и злодейство.
Два юноши.

В селе их каждый знал.
Один ушел с дивизией гвардейской,
Другого — под конвоем в трибунал.
На костылях вернулся из Берлина
Тот вдовый сын, что отдал все, что мог.
Другой, изведав путь позора длинный,
В село приплелся, исчерпав свой срок.
Наш век жесток.
Они враги до гроба,
Встречаясь у сельмага, смотрят вкось,
И до сих пор в анкетах пишут оба,
Что быть им в оккупации пришлось.

1984

Заменители

Научный прогресс! Времена знаменитые!
Открытий полна суэта наших дней.
Во всех областях введены заменители,
Как будто практичней они и прочней.
Не хлопок, не шерсть, а сплошная синтетика
Сегодня — материя наших одежд.
Простите за рифму — слывет кибернетика
Заменой предчувствий, мечтаний, надежд.
Я химика знал. Он продуктами сытными
Снабжать нас из лаборатории стал.
Он создал икру сложным методом синтеза,
Но сам осетровую предпочитал.
Сравнима ли шкура с искусственной кожей?
Не очень-то греет искусственный мех.
Трагедии наши бывают похожими
На слезы актера,
На клоунский смех.
Пластмассовой дружбе не верю,
А крылья
Должны быть из перьев, а не из акрила,
А если влюбляться в принцессу,
Корона
Пусть уж из золота, а не капрона.
Пластмассовой костью врачуют увечия,
Но я бы в бездушье того обвинил,
Кто для воссоздания души человеческой
Захочет использовать хлорвинил.

В день рождения

В день рожденья тебе подарил я букет,
В нем цветов — по количеству прожитых лет.
Сколько именно?
Это уж наши дела.
Жизнь твоя пред глазами так близко была,
На таком расстоянии почти не видны
Гравировка морщинок и соль седины.

Вот и кончились праздники...
Будни опять.
Я гвоздики попробовал пересчитать,
Очень странная вещь, но поклясться готов —
С каждым утром в букете все меньше цветов,
Словно в доме ведется обратный отсчет,
Как на старте,
Готовящем спутник в полет.

Этой маленькой тайны разгадка проста —
В каждом возрасте скрыта своя красота,
И наверно, напрасно стесняешься ты,
Убираешь увядшие за ночь цветы.
Сохрани мой подарок — тяжелый букет,
Где цветы — по количеству прожитых лет.

1979

Могилевское поле

Памяти К. Симонова

Решено! Пепел по полю, пепел по полю.
Друг уходит в простор белорусских полей.
Что ж, придется исполнить последнюю волю,
Хоть от этого станет еще тяжелей.

Вечер ветрен. В огне облака языкаты.
Вдалеке Могилев зажигает огни,
И как сеятель скорбный, на фоне заката
Сын поэта идет вдоль осенней стерни.

Пепел по полю, по полю пепел.
Принимайте, седые земля и трава,
Пепел друга, который серебряно светел —
Так светилась, бывало, его голова.

Это будет братание с долей солдатской.
Местожителство старое выбрал поэт —
Могилевское поле с могилою братской,
Где рубцуются танковых гусениц след.

От жилого массива в пяти километрах,
Где герои, полынью укрытые, спят,
Только по полю пепел, лишь пепел по ветру,
Могилевское поле и красный закат.

1979

Ты

Несерьезно — приятельство ставить в заслугу,
Забывать, что глаза панибратства пусты.
Но бывают мгновенья,
Когда люди друг к другу
Обращаются только на «ты».
Перед страшной бедой
Или радостью страшной,
Разделяя восторг или чувство вины,
Подчиненный с начальником,
Младший со старшим
Вдруг становятся беспрекословно равны,
Переходят на «ты» незаметно и просто...
Возникает магнитное поле родства,
Осыпается предубеждений короста,
Сокровенный свой смысл обретают слова.
...Человеческой близости высшая точка,
Как звезда, а точнее — как комета, светла,
Закрепляется на небосводе непрочно
И, к земле приближаясь, сгорает дотла.
...Вдруг споткнется о холодность доброе слово.
На приветствие не повернув головы,
Побратим твой вчерашний остынет
И снова,
Недоступный,
К тебе обратится на «вы».
«Вы», конечно, солидное местоименье,
Но в других есть не меньший запас красоты.
Так давайте не будем стыдиться мгновенья,
Когда мы обращались друг к другу на «ты»!

1979

Звездный дом

Полгода двое в космосе кружили,
Прошли проверку пламенем и льдом.
Теперь в автоматическом режиме
Работу продолжает звездный дом.

Зеленовато светятся приборы,
Ведя с землей свой разговор немой.
Моделью океанского прибора
Радиоволны плещут за кормой.

И оператор в Центре управления
Заносит в бортовой журнал земной
Свет облаков, магнитные явления
И строки информации иной.

В кругу семейном члены экипажа
Вдыхают осень в Звездном городке.
Но в их душе — потеря и пропажа —
Вершина вдохновенья вдалеке.

Как будто бы они в командировке
Здесь, на одной из маленьких планет,
На стажировке, переподготовке,
И времени для сантиментов нет.

А дом родной — на апогее века,
Где связаны орбитой полюса,
Где герметический уют отсека
И сутки длятся полтора часа.

1978

Ожидание утра

Когда осядет пыль и муть,
Когда сойдет наплыв тумана,
Проступит истинная суть,
Мучительна и долгожданна.
В единый фокус все собрав,
Что было лишь тебе не видно,
Почувствуешь, как был неправ,
И за упрямство станет стыдно.
И ощутишь, как кровь во рту,
Солоноватый привкус фальши,
Когда пойдет начистоту —
Как позабыть, как жить нам дальше?
Не следует искать ответ
При помощи орла и решки,
Ведь, как ни меряй, правых нет
В мороке,
суете
и спешке.

Ну а вопроса — чья вина —
Уж лучше вовсе нам не трогать.
Ночь объяснений так длинна,
Тягуча и густа, как деготь.
Вдруг в этой сваре виноват
Быт, скоростной и неуютный,
И атмосферный перепад —
Непостоянный столбик ртутный,
Несчастье женщин и мужчин —
Забытые уроки детства,
Необоснованность причин
И разрушительность последствий.
Терпенье — настоящий друг,
И вряд ли установишь в спорах,

Кто безопасно близорук
И кто опасно дальнорук.
Чтоб меньше понести утрат
В борьбе поэзии и прозы,
Давайте только по утрам
Решать житейские вопросы.

1985

Латвийские мотивы

След на песке

Что так тянет меня к этим северным дюнам?
Как знакомую музыку, слушаю шелест волны.
Да, я здесь проходил в гимнастерке, веселым и юным,
До Великой Отечественной войны.

Так же ветрено было и так же просторно,
Так же ровно дышали холодные летние дни.
И гордясь, и немного фасоня военной формой,
Я почти до предела стянул плечевые ремни.

В гребешках этих дюн утопая ногами босыми,
Рядом девушка шла, с головой — золотистой песка.
Помню ласку акцента, латышское нежное имя,
Парус белого платья, колеблемый ветром слегка.

Помню робкую встречу порой довоенной и ранней,
Помню флаги над Ригой,
Дыханье народных собраний,
Помню соль на губах,
Помню волны, как руны и саги,
Что теперь у Республики на государственном флаге.

Возвращение к морю, как к юности, — древний обычай,
Спор с безжалостной вечностью,
С жизнью и гибелью спор.
На прибрежном песке след ступни проступает девичьей.
Пусть полвека пройдет...
Все равно он не смыт до сих пор.

Рижское взморье

Седые дюны подражают волнам.
Как моментальный снимок — их ряды.
Роднятся в сочетанье произвольном
Покой песка с волнением воды.

Прибрежных сосен коварная бронза
Торжественна...
И долгожданный луч
Негреющего северного солнца
Мучительно пробился из-за туч.

Не слишком многолюдны пляжи эти,
И сделать странный вывод я готов:
На взморье только старики и дети,
Других не замечаю возрастов.

Рыбацкий бот, моторчиком отстукав,
Ушел за горизонт.
И тишина
Царит в районе бабушек и внуков,
Где с чайкою целуется волна.

Прохаживаясь вдоль сырых скамеек,
Встречаю каждый день все тот же вид:
С лицом старинным,
С профилем камеи
Старуха величавая сидит.

Два мальчугана с ней.
Какое счастье!
Вращают карусель озорники.
Клеймо я замечаю на запястье
Ее худой пергаментной руки.

Наколотый фашистом номер впился
В ее судьбу
И в руку — до кости —
Татуировка узниц Саласпилса,
Которую до смерти не свести.

Органнѣй Концерт

В Домском соборе органнѣй концерт.
Граждане, лишнего нет ли билета?
Будто бы древнѣй космическѣй центр,
Как устремленная к звездам ракета,
Высится готикой рижскѣй собор.
На реставрации был он три года.
Только снимают дощатѣй забор.
Праздник открытия.
Толпы у входа.

Музыка, ты мне подруга была,
Но легкомысленна и легковерна.
Крыльями не воробья, но орла
Обзаводиться пора бы, наверно.
Не с покаянием, не для молитв
Я прирастаю к скамейке дубовой.
Здесь исцеленье, коль сердце болит.
Святости дай мне для встречи с любовью.

Реквием...

Дрогни, вздохни и начнись,
Видишь — мы замерли,
Жаждем сигнала.
Там на балконе склонен органист,
Как оператор машинного зала.
Это искусство — мучительный труд.
Как ты звучащее войско возглавишь?
Плотной шеренгой серебряных труб
Он управляет нажатием клавиш.
Миг вдохновенья:
Садись и пиши,
Трубы органа — как карандаши,
Как великанские вечные руки.

...Слушают каменные латыши,
Красногвардейцы и памятник Стучке.
Над головами рижан и гостей,

В паузах кратких,
В звучаниях длинных,
Как приобщенье души к высоте,
Шелест торжественный крыльев орлиных.

1984

Незавершенная повесть

Год начался с отчаянных морозов,
С образования ледников и льдов,
С крушенья предсказаний и прогнозов
И сбоя в расписание поездов.
Один из них, в столицу шедший с юга,
Застыл в степи, от графика отстав.
Его всю ночь вылизывала вьюга,
В составе каждый перебрав сустав.
А утром — разговоры, споры, слухи,
Простуда, пересуды, плач детей,
Смех барышни, гадание старухи
И проводник, промерзший до костей.
Он, чтоб не допустить переполоха,
Врал, что поедем через два часа,
Но было ясно всем, что дело плохо
И год не так, как надо, начался.
Кому-то слышалось, как воют волки.
Над вьюжной степью вертолет кружил,
А вот в шестом купе на верхней полке
Лежал и улыбался пассажир;
Задумчиво в одну уставясь точку,
Встречал наставший в это утро плен
И счастлив был, что получил отсрочку
От разрешенья собственных проблем.

1980

Друг юности

«Друг юности! Да ты ли это?
Мы не встречались целый век.
В безвестье пропадаешь где-то,
Такой-сякой ты человек.
Ни от ребят, ни из печати
Я о тебе узнать не мог.
Свиданье наше очень кстати,
Подбить попробуем итог.
Ну, кем ты стал, скажи, поведай,
Что приобрел, чего достиг?
Какие одержал победы,
Скорей рассказывай, старик!» —
«Теперь уж поздно торопиться,
И вряд ли нужен мой отчет.
А жизнь — она в своих границах,
В своих параметрах течет.
Без соблюдения дистанций
Уж лучше ты спроси, дружок,
Не кем я стал,
А кем остался,
Что сохранил и что сберег».

1978

Шар земной именуется миром!

Этот шар, пролетающий мимо
Звезд, комет и космических трасс,
Неспроста именуется миром,
Почитается миром у нас.
Шар с Москвою, Парижем и Римом,
Где Нью-Йорк, и Пекин, и Каир,
Все равно называется миром,
Хоть непрочен сейчас этот мир.

Мысли, чувства, ответное эхо
На движение близкой души —
Это внутренний мир человека —
Так запомни и так запиши.
При рождении ребенка мы нежно
Говорим: «Он наш мир посетил»;
«С миром, странник», — в конце неизбежном
Шепчем возле разверстых могил.

Мир — высокое званье планеты,
В беспредельность направленный путь.
Карандаш беспощадной ракеты
Не посмеет его зачеркнуть.
Всей планете и Родине милой
Высшей верностью будем верны,
Если, как говорится, всем миром
Землю мы защитим от войны.

1979

Ночь

Угломониться, кажется, пора.
Ты наорался и навоевался.
«Последние известия» с утра
Включать не надо.
Лучше слушать вальсы.

В сторонку стань.
Заденут — отшутись.
Трубач! Сыграй нам лучше на свирели...
Как в затяжном прыжке парашютист,
Раскинул руки внучек в колыбели.
Над ним навис грозный небосклон,
Испорченная надолго погода.
Я вычислил:
Уже назначен он
Призывником двухтысячного года.

Но лишь тогда, когда он станет в строй,
Попробую и я подать в отставку.
Жизнь в наше время кажется порой
Сплошной, непрерывной атакой.

Бореньем перегружена душа:
Как своего
Хлебну чужого горя.
Сырой жарю тропиков дыша,
Себе кажусь индейцем в Сальвадоре.
В моей судьбе — ливанский Бабий Яр,
Руины стадионов и гостиниц
И ощущение, будто это я —
В Бейруте недобитый палестинец.

А ночь длинным-длинна,
И так темно,
Как после фосфорического света,
И кажется, что на мое окно
Наведена крылатая ракета.

Тысячелетий не прервется связь!
Бессильна траектория кривая.
Над колыбелью бережно склонясь,
Младенчика собою прикрываю.

1983

Раздумье о подвиге

Ты заметил, что почти всегда
Неритмично вертится наш глобус,
Подвигу предшествует беда,
Та, которой и не быть могло бы.

Безусловно, я не про войну —
Всенародный подвиг воспевая,
Славлю всю героическую страну,
Так сказать, от края и до края.

Я про подвиги любого дня,
Скажем, про отвагу на пожаре.
Не возникло б дыма и огня,
Если б спички близко не лежали.

Должен бы неопытный пловец
Бултыхаться у причала близко,
Но в такие волны он полез,
Что спасали на пределе риска.

Благодушьем мы полны порой,
Не блокируем поступков подлых,
В результате вынужден герой
Жизни не щадя, идти на подвиг.

Я прошу от имени певцов
Мужества, героизма и отваги —
Дайте отдохнуть в конце концов
Бодрым нашим перьям и бумаге!

Дайте хоть однажды выходной
Всевозможным аварийным службам,

Чтобы катастрофы ни одной,
Чтобы никого спасать не нужно.

Ты, бесстрашный, для себя реши,
Где достойно проявить героизм,
И отдайся подвигам души —
С ними тоже в наши дни непросто.

1983

Напутствие

А много ль надобно двоим?
Зачем вещами мучиться?
Считайте молодость своим
Богатством и имуществом.
Вас будет день встречать, как друг,
На перекрестках-роस्तаях,
Соткут станки январских выюг
Вам полотно на простыни.
Приобретенье февраля —
Ледышки — звонче хрусталя.
Считайте первый майский гром
Своим фамильным серебром,
Рябин подвески алые
Июльскими кораллами,
Топазами — костровый дым,
Ковром — луга покосные;
Пусть самородком золотым
Мерцает солнце осени.
На месте городских властей
Таких людей немыслимых
Я почитал бы за гостей,
Из будущего присланных;
На стройке объявив аврал,
Ребят с такими данными
Вне очереди бы вселял
В дома, досрочно сданные.
Они испортятся едва ль,
Не станут зло и холодно
За льдинки принимать хрусталь,
За солнце — слитки золота.

1984

Дружба с Камнем

Еще, пожалуй, не сказал
Я заключительного слова.

...В метро есть белостенный зал,
Как раз под площадью Свердлова.
Я счастлив каждой встрече с ним,
Всегда он кажется мне новым,
Газганским мрамором живым
Легко и прочно облицован.

Я дружен там с одной плитой,
Моими ставленной руками.
Понятно — случай непростой,
Что дружат человек и камень,
Но в стену вставленная мной
Плита,
Четвертая от входа,
Осталась мастеру родной,
Прекрасна, как сама природа.

Всегда поспешен мой транзит,
Но мрамор,
Нежный и прохладный,
Хоть на мгновенье отразит
Мой облик, мятый и нескладный.
Остановись и задержись
На зыбком силуэте взглядом —
На мраморном экране
Жизнь
Пойдет скользить с тобою рядом.

Увидишь наглого юнца
С игрушкой — молотком отбойным,
И бесшабашного бойца,
Не поклонившегося войнам.
А вот влюбленный...
Кто такой?
А вот разлюбленный...
Не я ли?
Притронься к мрамору рукой,
Сотри с него налет печали.

Давненько отражаюсь в нем,
Уже, пожалуй, полстолетья,
Но пристальнее с каждым днем
Хочу свой облик рассмотреть я.
Я верю в прочность этих плит —
Им тяжкий шаг веков не страшен.
Пусть нежный мрамор сохранит
Подольше отражение наше.

Спасибо всем

Спасибо всем... Пора пришла
Неспешно подводить итоги,
Сдавать в ЦГАЛИ свои дела,
Отмеривать конец дороги.

Возможно, скажет оптимист,
Что неудобно, неприлично
Использовать журнальный лист
Для грустных строк, сугубо личных.

На полуслове свой напев
Я обрывать не стану, ибо
Обидно сгнать, не успев
Сказать товарищам спасибо.

Жизнь! Ты была добра со мной,
В своей купели ледяной
Меня крестила и купала,
Останутся в цене одной
Твои награда и опала.

Позволь за твой безумный ритм,
За общее сердцебиенье
И от себя благодарить,
И от седого поколенья.

1984

Полустанок

В поле ветер такой, что держись!
И колес перестук неустанный.
Я дежурю по станции Жизнь...
Впрочем, это скорей полустанок.
В обрамленье холмов и долин
Чередуются зной и прохлада.
Малый мир.
У меня он один,
Никакого другого не надо.

В фонаре оплывает свеча,
Но поста я не смею оставить:
Мой удел — провожать и встречать
Проходящие мимо составы.
Вдруг они возникают, трубя,
И проносятся как метеоры
Мимо станции,
Мимо тебя,
Пассажирский, товарный и скорый.

Повезли пионеров в Артек.
Вырываются песни из окон.
Точно так начинался твой век,
А теперь потянуло к истокам
Вот платформ перегруженный бег,
Строго северного направленья,
Силуэты коней и телег,
Невеселое переселенье.
Вот всеобщая наша беда,
Отраженная в подвиге ратном:
Все мое поколение — туда,
Красный крест на теплушках — обратно.

А потом — эшелон на восток
И студеной роба студента.
Режет каждый вагон поперек
Кумачовая лента.

Все мелькает, как в клубном кино...
Наш кумир — несмеющийся комик.
Было в каждом вагоне полно
И друзей, и хороших знакомых.
Был тогда у нас общий вагон,
А теперь предоставлен купейный,
И все реже движенью вдогон
Коллективное пенье.

А в проходе встречаются мне
Незнакомые плечи и лица.
Ну а локон,
А профиль в окне?
Неужели я смел ошибиться?
Я успел бы!
Догнал!
Я бы мог
Прицепиться, вскочить на подножку.
Но в руках моих красный флажок
И до смены осталось немножко.

Романтика

Куда ты лезешь со своими песнями?
Иного ритма ищет молодежь.
Романтика отправлена на пенсию,
Пускай республиканскую,
А все ж
Обидно стремянным ее и рыцарям —
Затоптан золотой ее огонь.
Остались только фильмы про милицию
С избытком похищений и погонь.
У нас романтика знавала разные,
Опасные порою времена,
Клеймилась блажью мелкобуржуазною,
Бывала и от дел отстранена.
Но каждый раз, когда метеослужбою
На ураган заявлен был прогноз,
Она опять оказывалась нужною,
И снова обращались к ней всерьез.
Считала ниже своего достоинства
Она вести с обидчиками спор,
И по команде выходила строиться
В солдатской майке на морозный двор.
Романтика — не только настроение,
Не просто ночь над речкой у костра.
Ей честь и место в каждом поколении,
Наивно думать, что она стара.
Для счастья людям мало электроники.
Мир, вжатый в перфокарты, слишком прост.
Наполни ветром парус! Мчатся конники,
И впереди открытые новых звезд.

1984

Современная сказка о золотой рыбке

Купался старый вице-адмирал
В курортном море, как в своей купели,
От свежести соленой обмирал,
Довольный тем, что есть здоровье в теле,
Что волны хлестки, но не высоки.
Он, из-под них выныривая, фыркал.
На берег наступали гребешки,
Рядами шли в матросских бескозырках.
Вдруг за подводной линией камней
Старик заметил рыбку золотую.
Он бросился саженками за ней,
Как на соревнованиях стартуя.

И вот она щекочется в горсти.
В аквариуме пусть забавит внука!
Взмолилась рыбка:
«Старче, отпусти!
В плену стеклянном жить — такая мука.
Ты разве этой сказки не читал —
Я добрая волшебница морская.
Доверься мне, товарищ адмирал,
Поведай, может, просьба есть какая?
Допустим, кто-то пред тобой в долгу?
Я положенье выправить могу».

Его застал врасплох такой вопрос.
Но тут припомнил он себя, салагу:
Морской пехоты рядовой матрос,
Мечтал он о медали «За отвагу».

Ее включить теперь он был бы рад
В колодку тридцати своих наград.
«Все поняла, товарищ адмирал,—
Сказала рыбка.— Просьба выполняма».
Тут в море вздыбился девятый вал
И небо опустилось в клочьях дыма.
Он вышел на песок, глотая дым,
И вдруг себя увидел молодым.

На пляже ни зонтов, ни лежаков,
Вдали ни парка нет, ни обелиска.
Суровое мерцание штыков...
И танк ползет...
И вот уже он близко.
Встань перед ним с гранатою в руке,
В тельняшке рваной и от крови липкой...
А где-то в синем море, вдалеке
Желанная медаль мерцает рыбкой.

1977

Юнга на мачте

Так просто — сравнить наше время с тайфуном.
Корабль в неизвестность плывет.
В команде его был я юнгою юным,
По штату — смотрящим вперед.
Восторженно чайкам кричу я —
Не плачьте!
Штурвальному —
Лево руля.
С подзорной трубой приспособясь на мачте,
Кричу,
Возвещаю:
Земля!
Хотя той земли еще вовсе не видно,
Кипит нетерпенье мое:
Поймите, товарищи, было б обидно
Не первым увидеть ее.
За то, что про землю кричал я неточно
И верил всю жизнь в чудеса,
Вы можете старого юнгу досрочно
Сегодня на берег списать.
Но я говорю, не прося снисхожденья,
На мачте держась до утра,
Что берег желанный —
Отнюдь не виденье,
А к шторму привыкнуть пора.

1984

Кредо

Нам по душе честный азарт,
Яростно жить надо,
Всем говорить правду в глаза,
Не отводя взгляда.

Пусть над тобой виснет гроза,
Тесно сошлись тучи,
Режь все равно правду в глаза,
Честно сгореть лучше.

Если сперва «против» и «за»
Взвесишь, ища выгод,
Будет тебе правда в глаза,
Как бумеранг, тыкать.

Не нажимай на тормоза,
Помни в момент острый,
Что принимать правду в глаза
Тоже не так просто.

В морду врагу дать бы разá,
Вроде не наш метод,
Лучше вонзи правду в глаза —
Этот удар меток.

Миру всему прямо врежай,
Как своему брату,
Правду в глаза, правду в глаза,
Только одну правду!

1981

Правила поведения великанов

Скоро ль кончится безобразие,
Иль двух метров нам не довольно?
Снова юноша вырос за зиму
Из штанов своей формы школьной.
Вот и солнце снега расплавил...
Я в развитие весенних планов
Сочинить попытаюсь правила
Поведения великанов.
Будет в правилах тех отмечено —
Мол, не слишком гордитесь, други,
Длинноножеством кичиться нечего,
Ибо вашей в том нет заслуги.
И смотреть свысока не следует
На того, кто росточком ниже:
Высоко в огромное небо ведь
Залететь может каждый чирик.
И еще — развивая мускулы,
Не машите руками всуе.
И еще — приглушите музыку, —
Визг «магниток» неопишем.
Не играйте словами наглыми,
Утверждая, что вы не дети.
Если вам наступили на ногу,
По возможности — не замечьте.
Это нужно, чтоб вам поверили,
Чтоб запомнили ваше имя,
Чтоб считали вас гулливерами
Или просто людьми... большими.

Улыбочка

Есть от многих хвороб драгоценное средство — улыбка!
Но в иной дозировке лекарство идет и во вред.
Ненавижу улыбочку!
В панцирь уйду, как улитка,
Натолкнувшись на этот холодный и скользкий предмет.

Можно скрыть
Самомнение, спесь, равнодушие, злобу
Лишь одной тренировкой мускулатуры лица.
Над собою подтрунивать —
Мудрости признак особый,
Над другими усмешка —
Унылая радость глупца.

Есть суровые лица, которых бояться не надо
(Говорят, я и сам мрачноватым кажусь иногда).
Но приятной гримаске противопоказана радость,
Неизвестен восторг, безразлична чужая беда.

Вот когда человек управлять не способен улыбкой,
Можно верить ему.
Назовут чудачком?
Ну и пусть!
Берегись эгоиста с дежурной улыбочкой липкой,
В лучшем случае он, как картонное чучело, пуст!

1979

Приглашение К путешествию

Ув. тов. Министр путей сообщения!
Мы с Вами незнакомы лично,
Быть может, это приглашение
По этикету неприлично,
Но я даю Вам слово честное,
Что Вас в друзьях заочно числю
И приглашаю в путешествие
От всей души, без задней мысли;
Шлю всяческие пожелания
И думаю, что Вам полезно
Побыть на общих основаниях
На линиях дорог железных.

Пусть в тупике стоять останется
Ваш пульман с вежливой бригадой,
На станции и на дистанции
Слать телеграмм вперед не надо.
Без свиты и предупреждения
Начнем с Казанского вокзала.
Да минет нас ночное бдение
В замызганных билетных залах.

Запасшись харчем и терпением,
Уйдем в кочевье по России.
Найдем свои места купейные,
Расстелем простыни сырые.
Нам скажет проводник заранее,
Что до утра не будет чаю,
А выбьемся из расписания —
За то никто не отвечает;

Что вентиляторы негодные,
Жарища — прямо наказание.
Мы будем пылью прошлогоднею
Дышать до самой до Казани,
Мы будем нюхать запах газовый,
Окно газетою завесив,
И Вы мне будете рассказывать
О блеске фирменных экспрессов.

Да, эти строки — не элегия,
Но в комплиментах мало проку...

На заседание коллегии
Вам надо возвратиться к сроку.
Не сорвалось бы заседание —
Ведь, к сожаленью, слишком часто
Составы ходят с опозданием,
Не спрашиваясь у начальства.

1984

Хранить вечно

Очень долгую жизнь очень быстро прожив,
Сквозь огонь пробежав без оглядки,
Прихожу я впервые в архив
И теряюсь в его распорядке.
Тишина — как в осеннем лесу,
Запах листьев опалых.
Паутинка приникла к лицу,
На ресницы росинка попала.
Одинаковые этажи,
Полумрак стеллажей одинаков.
В ровном ритме течет эта жизнь,
Под охраною шифров и знаков.
Здесь и старых товарищей строй,
Тех, чья память развеяна ветром,
И не ведает каждый второй,
Что героем он был беззаветным.
Открывается тут наконец,
Кто и кем был когда-то оболган,
В ком под маской таился подлец,
Кто был верен опасному долгу.
Степень влажности, норма тепла,
Нелюдимая даль коридора.
Электронная память сюда не дошла,
Но дойдет,
И, наверное, скоро.
А пока —
Фонд, и дело, и лист,
Век проходит по ветхим страницам.
Не рассчитывал протоколист
Стать историком и летописцем.
Но и ты, вероятно, не знал,
Что в картоне тугих переплетов

Зафиксирована крутизна
И твоих колебаний и взлетов.
Думал — мелочь, проскочит, пройдет,
Нет душе никакого убытка,
Но и мелочь взята в переплет
И прошита суровою ниткой.
Надо жить с ощущеньем, что есть
Фонд, и папка, и лист,
И конечно,
В документах бесчестье и честь
Остаются в архиве навечно.

1984

Человек такой-то

И по поводу,
И без повода
Про товарища имярек
Говорят:
— Человек такого-то,
А не просто, что человек.
Сам такой-то — товарищ признанный,
Хватка есть
И запас идей.
Волочит по ухабам жизненным
За собой он своих людей,
Исполнительных и порядочных,
Не каких-нибудь подлецов,
Но таинственно и загадочно
Потерявших свое лицо.
А на месте пропавшей личности,
Что всевышний нарисовал,
Симметричный до неприличности
Образуется вдруг овал.
Разве плох человек такого-то?
За хозяина жизнь отдаст.
Он — как рыцарский конь подкованный,
Он,
 как сокол-сапсан, глазаст,
Но трепещет душа и мечется —
Тяжко принадлежать ему
Не отечеству,
Не человечеству,
А директору одному.
Прислоняться всегда невыгодно,
Что к начальнику,
Что к стене.

Сам провалится — вместе выгонят,
В первый раз вам быть наравне.
Это трудно, скажу заранее,
И признаться готов, скорбя,
Что, бывало, — терял я звание
Человек самого себя.

1983

Заявление во ВТЭК

Какая скучная история:
Был воин в сорок первом ранен
В Молдавии или в Эстонии,
На той границе или грани,
Где мужество схватилось с подлостью,
Где честность встретилась с обманом.
Про это есть стихи и повести,
Исследования и романы.

Вам надоело повторение,
Вы это в школе проходили,
Но я обязан тем не менее
Писать опять и в том же стиле
Про поражения и ранения,
Когда нам было не до справок
По форме медсанучреждения,
С печатью слева или справа.

В строй возвращались недолечены —
Без нас не может быть победы.
Скрывали раны и увечия,
Какая мелочь — наши беды.
В раздумиях глубокомысленных
Теперь врачебные комиссии,
Одолевают их сомнения:
Давать ли справки о ранении?
А то, что ноют раны старые,
Впиваются осколки в нервы,
Поскольку справок не представлено,
Неточно и недостоверно?
Здесь равнодушные бессовестно!
Поспешные отказы взвесьте,

Такие хлопоты и поиски
Касаются солдатской чести.

Меж трубачей и барабанщиков,
Участников далекой драмы,
Напрасно ищите обманщиков —
Их справки — штыковые шрамы.
Служебное умерьте рвение,
Осколки щупайте перстами.
Клиенты эти в скором времени
Вас беспокоить перестанут!

1978

Поздняя любовь

Как послушать того директора,
Что отправлен вчера на пенсию,
Он в затишья минуты редкие
Увлекался моими песнями.
Бюрократом казался вроде бы,
Но пронес через годы бурные
Эпиграммы все и пародии,
Анекдоты литературные.
Благоверной стихотворения
Декламировал в годы ранние,
А позднее, при рассмотрении,
Не противился их изданию.
Не забыл и смешного случая,
Как был сбит я подножкой подлою.
Только совесть его не мучает,
Что тогда мне руки не подал он.
Как я дорог теперь, как нужен ему,
Как дружить и общаться хочется;
Он готов у меня отужинать.
Величает меня по отчеству.
Но, увы, у меня нет времени,
Настроения и желания.
Подведите черту под прения,
Закрывается заседание.

1981

Восторги

Поздравляю! С чем? Да просто так —
Сам поздравлен — поздравлю тоже,
Не подумайте, что я простака,
Хочется мне быть на всех похожим.

Семечко едва дало росток,
Зной и град растенью угрожают,
В области уже пришли в восторг,
Строчат рапорта об урожае.

Поздравляю — сдан товар в утиль!
Фрукты сгнили — больше удобрений.
Как лишай распространился стиль
Благодарностей и поздравлений.

Кое-как вошли в рабочий ритм,
Еле устранили непорядок,
Что ж никто нас не благодарит?
Не пора ль подумать о наградах?

До чего довольны мы собой,
Нравимся себе, да и друг другу,
Всех благодарим наперебой,
Рассыпаем премии по кругу.

Из себя я этот стих исторг
В осужденье кой-каких явлений,
Но и сам уже пришел в восторг,
Ожидаю ваших поздравлений.

1983

Круговая порука

Как я мог убедиться,
Хорошая штука —
Испытание единства,
Боевая порука.
Не ее ли судьба предлагает железно
Альпинистам, шагающим в связке над бездной,
И матросам на гребне девятого вала,
Чтобы с палубы робких волна не смывала.
Боевая порука —
С гранатой на танки
И молчанье братьев под пыткой в охранке.
Танков я не взрывал,
Не был я скалолазом,
Не обучен команде «свистать всех наверх»,
Но навек
Боевою порукою связан —
С Революцией
Связан порукой навек!

Потому и готов задушить, как гадюку,
Безобидное с виду исчадие зла,
Не чета боевой —
Круговую поруку,
Что сквозь щели беспечности
В дом наш вползла.
Не стесняясь, устроилась очень уютно,
Малодушных втянула в порочный свой круг,
Их мозги пеленою окутала мутной,
Чтобы не различали, где враг, а где друг.
Ты — бездельника труд,
Ты — невежды наука,

Ты — несправедный суд,
Круговая порука.

Сколько раз ты прикрытием для трусов служила,
Сколько раз от ответа смывалась хитро!
Твой прообраз —
Молчание пассажиров,
Если пьяный наглец матерится в метро;
Или — хуже:
Позор кругового обмана
Спекулянтов
И тех, кто поближе к кормам,
Или ложь о перевыполнении плана,
Чтобы круглая премия в каждый карман;
Или сговор пиитов из разных редакций —
Ты мои, я твои сочиненья в печать...

Если нравы поруки такой утвердятся,
Перед прошлым и будущим нам отвечать!
Тех, в ком совесть не спит,
В наступленье зову я,
За успех поручиться могу головой:
В окруженье поруку возьмем круговую
И задушим — порукой своей боевой!

Про спекулянта

За рубежом в почете спекулянт,
Орудует он, прямо скажем, здорово:
У ловкача коммерческий талант —
Задешево купить, продать задорого.
Он — мастер делать деньги.
Это страсть
Дельцов и махинаторов на Западе.
Однако
Обмануть, а не украсть
Тех заграничных спекулянтов заповедь.

«Наш» спекулянт завел двойной обман,
Его никак не назовешь бездарностью:
Положит все, что сверх цены, — в карман,
Торгуя не своим, а государственным.
Грабеж открытый он зовет услугою,
Мы будем осчастливлены ворюгою.

Вот станет и у нас всего полно,
И нечем станет спекулянтов радовать,
Но разве совестью разрешено
Ворованное — есть,
Ходить — в украденном?

Я эти факты протащил в печать
Не для того, чтоб сплетничать-наушничать.
Здесь пытка сердцу
И попытка дать
Болезни объяснение научное.

Совершенство

Самолеты становятся все совершенней,
Но они до сих пор превзойти не сумели
Стройность линий и летные качества птицы,
Будь то чайка, орел иль воробушек малый.

Все длинней и умнее подводные лодки,
Все опасней торпеды в их темных утробах,
Но они уступают в плавучести рыбам,
Все равно, то акула иль просто пескаррик.

Исступленно мечтает искусственный спутник
В небесах говорить, как звезда со звездой;
Как пример и укор всем конструкциям века —
Симметрия цветка и пчелиные соты.

Ну а мы? Если ты не завинченный робот,
Где возьмешь образец и пример совершенства?
Ничего нам, товарищи, не остается,
Кроме трудной возможности быть человеком!

1982

Держите вора!

В автобусе вдруг крик:

— Держите вора!—

Притихли разговоры, сгинул смех.

Прошла над головами тень позора,

Распространясь на пассажиров всех.

Водитель! Тормози! Дверь на запоре!

Давайте всех обыскивать подряд.

О страшном амнистированном воре

Давно уж на базаре говорят!

Я ощущаю:

Щеки в пятнах красных,

Дрожанья рук не спрятать, не унять.

Был я виновен в прегрешеньях разных,

Не поручусь не согрешить опять,

А все ж за век свой не украл ни строчки,

За славой ни к кому не лез в карман.

Душа всегда томилась в одиночке

Безвинно или за чужой обман.

Стою растерянный,

К суду готовый,

Свидетелей защиты не зову.

Отбой!

Старушкой найден рубль-целковый.

Поди ж ты, как в кошелке продуктовой

Он спрятался в морковную ботву!

1984

Шут

Прождав полдня, я принят был вельможей
На три минуты, как предупрежден.
Сам на себя давно уж непохожий,
Был обнесен бумажным валом он.
Он в данном учрежденье самый старший,
Величествен, как должен быть глава.
Строчит, как пулеметчик, секретарша,
Не спорьте с ней, она всегда права.
Есть так же помы у него и замы,
И персонально дремлющий шофер,
Есть свой курьер,носящий телеграммы,—
Племянник, недозревший до сих пор.
А всяких подлипал и подхалимов
Полно, как в желчном пузыре камней.
Секунды тикают неумолимо,
Он вопрошает:
— Что у вас ко мне?..—
А я пришел с проблемой деликатной:
У вас аврал, текучка, суета,
А не найдется ль должности вакантной —
Занять при вас я мог бы пост шута.
Он вам необходим в раздутом штате,
Прямую правду говорящий шут,
Уж слишком часто, кстати и некстати,
Вам дифирамбы лживые поют.
Напомню:
Разным древним королям,
Султанам всяким, вздорным и суровым,
Что называется, мозги вправлял
Веселый шут своим бесстрашным словом.
Вы не султан, конечно, не король,
И я не шут в понятие феодальном,

Но при дворе сыграю эту роль,
Скажу вам правду
(Жаль, что с опозданием).

Ответил новоявленный вельможа:

— Нет, мы шутком зачислить вас не можем,
Вопрос об этом ставить поздновато.—

Согласно данным вековой молвы
Шут попадал под сокращенье штатов
Посредством отсечения головы.

Тряпки-шмотки

Это прямо эпидемия
На горячих пляжах лета:
Трикотажные изделия
В изречениях и портретах.
Флаг Бразилии на трусиках,
Герб Америки на майке.
Что за вкусы,
Что за вкусики?
Как хотите понимайте.
В полный рост у дочки-паиньки
Нидерландский принц на блузке,
У мамы на купальнике
Бывший президент французский.
А у бабушки на лифчике
(За подробности простите!)
Черный профиль черной личности —
Папа Док — палач Гаити.
Я, поверьте, против ханжества,
Не ищу, к чему придраться,
Но мне мода эта кажется
И бесстыдством и дуратством.
Отстирали бы, отчистили
Тряпки-шмотки...
Не пора ли
Сделать фиговые листики
Высшим признаком морали?

1983

Изобретатели

Я в технике, признаться, не силен,
Меня иная мучает забота.
Но у меня товарищ есть.
Так он
Со школьных лет изобретает что-то.
Встречало в одиночестве рассвет
Одно окно бессонное ночное,
Где сгорбившийся виден силуэт...
Зачем изобретать велосипед,
Шептались люди за его спиною.
Он вечный двигатель создать не смог,
Машину времени не выдал тоже,
Однако сконструировал станок
На прежние модели непохожий.
Тут наступил торжественный момент.
Он сбросил одиночество, как бремя,
И скоро должен получить патент
И удостоиться наград и премий.
Возникли сразу шустрые друзья:
— А помнишь, я раскрашивал чертежик?
— Заглавную идею подал я!
— И мы проект проталкивали тоже!
Он в одиночку свой пирог не съест,
Должна быть в список внесена поправка:
Директор помогал...
Давал согласие трест...
Осуществлял контроль начальник главка.
...Запатентован коллективный труд.
Ряды изобретателей растут.

Распишись!

Этот вопрос не считай пустяком —
Мастер назвать свое имя должен.
Поэт расписывается под стихом
И под картиной — художник.
Но чем они хуже —

строитель и ткач,
Творец самолетов и детских игрушек?
Создатель вещей, свое имя не прячь,
Подпись поставь, безымянность нарушив.
Бывает — под малым научным трудом
Столбцом перечислены тети и дяди.
А как с именами построивших дом?
Уж их никогда не найдешь на фасаде.
Строчи на пальто свой автограф, швея,
Носите, любуйтесь, работа моя!
На книге, где имя редактора есть,
Наборщику — честь!
И печатнику честь!
Велик сталевар,
Металлург,
Металлист.

По имени каждого знают едва ли.
Автограф —

на каждый прокатанный лист,
Чтоб видели мастера имя на стали!
Пусть брак не вливается в общую боль —
Куражится лодырь, в расчете на добрых.
Уймись, бракодел и халтурщик!
Изволь
На том, что испортил,
Поставить автограф.
Труд — родственник песни.

Настала пора,
Чтоб люди величье свое постигали,
Чтоб ставили подписи мастера
На всем, ими созданном,
Как под стихами!

1982

Золотая зона

Строитель, в планировке знавший толк,
Решал дела легко и резковато.
Чтоб красоты взять у природы в долг,
Пригнал весной в долину экскаватор.
Бульдозером со взгорья рощу снес,
Оставил Бежин луг в сплошном разоре,
Отгородил бетонной дамбой плес
И выстроил роскошный санаторий.
Но что-то на путевку в новый рай
Нет спроса даже в самый пик сезона.
Как бы присыпан пеплом этот край,
Хотя и назван Золотою зоной.
Пора бы разобраться —
Дело в том,
Что мы и те, кто в жизнь идет за нами,
В долг у природы золотом берем,
А отдаем бумажными деньгами.

IV

Тереклилка

В дикой пуще, тихой чаще,
Где дороги нет весною,
Где готов ручей журчащий
Стать Днепром или Десною,
Там беседуют лесные
Вековые исполины —
Белоруссия с Россией
И Россия с Украиной.

Через фронт мы трое суток
Пробирались в чащи эти —
Не могли на парашютах,
Чтоб отряд не рассекретить.
Не сумели мы скорее
В зону мстителей добраться
И доставить батареи
Для уже замолкших раций.

Как давно все это было —
В первой половине века!
В центре вражеского тыла,
Где живет лесное эхо,
Около штабной землянки
Шалаши неровным рядом —
Место временной стоянки
Партизанского отряда.

Это все найти могли вы
В повестях и кинолентах.
Есть музеи и архивы,
Многое уже — в легендах.

Без повтора старых песен
Очень кратко я затрону
Лишь один рассвет в Полесье,
Время выдачи патронов.

Там, где мрамор обелиска
Устремлен сегодня к солнцу,
Шла как раз проверка списка,
Позже вкованного в бронзу.
Отзовитесь, партизаны!
Здесь — Богданы!
Здесь — Иваны!
Есть — Батыры,
Есть — Баграты,
Что из пекла чудом вышли,
Брестской крепости солдаты
И герои Перемышля.

Может, мне все только снится,
Я ведь шел три дня, три ночи...
Слышу — выкликают Фрица,
Но поверить слух не хочет:
На войне вошло в привычку
Именем немецким этим,
Иронической кличкой
Всех врагов крестить и метить.

Отвечает — «Здесь!» — с акцентом
Немец длинный и поджарый,
С партизанской алой лентой
Поперек пилотки старой.

А ведь я уже не верил,
Что, любимый мной когда-то,
Жив рабочий Красный Веддинг
И кулак, до боли сжатый.

Вызывается Фернандо,
И выходит смуглый парень.
Комментариев не надо,
Так красив он, так шикарен,
Но на шее не гитара —
Автомат с кривой обоймой.

Здесь твоя Гвадалахара,
За нее готовы в бой мы.

Командир окликнул: «Ярош!» —
И в ответ зрачки блеснули
Острой яростью мадьяра,
Темно-серые, как пули.
Знать, Венгерская Коммуна
Не сдастся и поныне,
По приказу Бела Куна
К нам идут ее связные.

В партизанском сорок третьем
На полесских тайных тропах
Представителей я встретил
Чуть ли не со всей Европы.

Я запомнил ваши лица
И насупленные брови,
Интернационалисты
До последней капли крови.

Начинали мы эпоху
В общем бое,
С общей боли.
Ели скользкую картоху,
Прошлогодную, без соли;
Уходили на заданье
По расхристанной трясине
И мечтали о свиданье
В Будапеште и Берлине.

...Партизанские знамена
Тихо спят в музеях местных,
Но в Полесье поименно
Даже детям вы известны.

Там показывал мне кто-то
Ваше выцветшее фото.
Вы построились красиво,
Подбоченились картинно,

И глядят на вас
Россия.
Беларусь
И Украина.

Ярош рядышком с Иваном,
Дальше Фриц, Богдан, Фернандо...
По каким краям и странам
Вас искать сегодня надо?
Друг о друге весть все реже.
Треть столетия — это много,
Но законы дружбы те же,
И одна у нас дорога.

Навсегда и воедино
Связаны мы лентой алой
С Фронтом имени Сандино,
С непокорной Гватемалой.

Мы по выходе из леса
Поднимали автоматы,
Как всемирного конгресса
Делегатские мандаты.
Вновь сойтись бы,
Спеть бы хором
Песню партизан полесских...
Продолжается наш форум,
Мир и дружба на повестке.

Тригранная Баллада

Позабытый эпизод,
Недописанная строчка:
На границе дот
Иль дзот,
В общем, огневая точка.
Даже мирною порой
В нем всегда — порядка ради —
Номер первый и второй —
Пулеметчики в засаде.
Если только нападут
Немцы с берега чужого,
Этот маленький редут
Скажет огненное слово!

И нагрянула беда.
Встречена была, конечно,
Диких варваров орда
И прицельно и отсечно.
Бой вокруг, огонь кругом,
Их десант заходит с тыла,
И отринуты врагом
Основные наши силы.
Ближней связи рвется нить,
И войска дорожкой узкой
Вынуждены отступить
В направлении Равы-Русской.
Вот и город за горой —
Наша первая потеря.
Первый номер и второй
Ждут,
В трагедию не веря:
Как же так?

Войска ушли,
Нас оставили в засаде.

Вот уже висят вдали
Пыли выжженные пряди...
Не хотим чужой земли,
Не дадим своей ни пяди.
Не смолкает дот
Иль дзот,
В общем, точка огневая.
Раскалился пулемет,
Прикрывая наш отход,
Мертвый город прикрывая.

Как ни изгалялся враг
В первый день войны зловещий,
Смельчаков не взять никак —
Смерть из амбразуры хлещет.
Контратака...
И уже
В день второй
Перед рассветом
Мы на прежнем рубеже,
Снова — флаг над горсоветом.
Ну а как тот дот
Иль дзот,
Прикрывавший наш отход?

Он молчит...
Из глубины
Невредимы двое вышли.
На вторую ночь войны
Было это в Перемышле.

Подозвав своих солдат,
Благодарность перед строем
Вынес раненый комбат
Пулеметчикам-героям.

...Собственный корреспондент,—
Я к ним прибыл для беседы.

Сняли каски на момент —
Оба совершенно седые.
Робко я спросил: — Ну как?—
Отвечают: — Спать охота.
И не так уж страшен враг
Под прицелом пулемета.
Не бойсь — и все дела,
Плюс равенение на знамя.
И уверенность была,
Что вернетесь вы за нами.

Целую неделю свой
Мы удерживали город.
Перемышль опять живой,
Как гнездо родное дорог.
Но радирует Москва:
Приказал товарищ Сталин,
Чтобы сохранить войска,
Город должен быть оставлен.
В Украину глубоко
Вбиты танковые клинья,
Перед флангами полков
Обороны рвется линия.

Беспощадно коротка
Ночь, последняя в июне.
Надо отойти,
Пока
Не настигло полнолуние.

Дал бойцам своим комбат
Ровно пять минут на сборы.
Дом — поджег...
И вышел в сад.
Все...
Отставить разговоры.
Взять он должен горсть земли
С нашей западной границы...
Два солдата подошли:
— Разрешите обратиться?
— Пулеметчики?

— Ага.—

Говорят не по уставу.

— Здесь мы встретили врага,
Как же Перемышль оставить?

Будем защищать свой дзот

До последнего патрона

И прикроем наш отход —

Отступление батальона.

Как вернулись в первый раз,

Отобьете город снова,

В общем, выручите нас,

Мы дождемся дня такого...

Ласков был комбат и строг,

Нежностью дышал и злобой,

Только отказать не смог —

Случай все-таки особый...

— Выдать им запас галет

И махоркой обеспечить...—

Тяжесть пулеметных лент

Двум бойцам легла на плечи.

И ушли они туда,

К доту

Или, может, дзоту,

Так, как в мирные года

Уходили на работу.

Отступала на восток

До зари за ротой рота.

Вот уже совсем далек

Хриплый голос пулемета.

А когда забрезжил день,

Стал —

По мере отступления,

Гром его очередей

Тихим, как сердцебиенье,

А потом совсем исчез...

Жизнь свою с тех пор не мыслю

Без июньской ночи,

Без

Расставанья в Перемышле.

В первые часы войны
Так держались на границе,
Свято веря, что должны
Мы за ними возвратиться.
Через годы мы пришли
В зону памяти суровой.
Дот исчез с лица земли,
Берег — в поросли терновой...

1984

У деревни Богатырь

Поэма

Последний день июньской синевы...
В опасном направлении Смоленска
Колонна выползает из Москвы,
Вытягивается у перелеска.
Не утаишь, ее состав таков:
Полуторок — не меньше полусотни
И семь особенных грузовиков —
Над кузовом брезент углом высоким.
Что скрыто под неправильным углом,
Под этой геометрией условной?
Похоже на зеленокрыший дом,
На холм,
На стог, наметанный неровно.

Но мирные сравнения ни к чему.
Какой сегодня день войны?
Девятый.
Враг подступает к дому твоему,
Потерян Минск,
И Львов и Гродно взяты.
Столица собирает силы все.
Прощально поклонясь её порогу,
Спешат войска на Минское шоссе,
На старую Смоленскую дорогу.

Но что это за воинская часть,
Длиннящий строй грузовиков трехосных?
Позвольте мне пока не отвечать
На штатские и детские вопросы.

В кабине первого грузовика,
Замучен суетой поспешных сборов,
Надвинул каску, сгорбился слегка
Артиллерист
Иван Андреич Флеров.
Мы были призваны в году одном,
Тогдашние — из молодых, да ранних.
Возможно даже, был я с ним знаком —
Теперь ведь все с героями на равных.
Романы, телевиденье, кино
Приблизили их подвиги и лица,
И все происходило так давно,
Что каждый превратился в очевидца!

Неправдой не унижу я свой стих,
О личных встречах здесь не будет речи,
Но я знавал товарищей таких,
Как этот капитан, Иван Андреич.
Я видел их на черном финском льду,
У переправ Тайпалеен-Иоки,
Наверное, в сороковом году,
А может быть, и раньше — на Востоке.
Такие выше жизни ставят честь.
Желаю здоровья.
Прибыл.
Все в порядке.
Так точно.
Слушаюсь.
Понятно.
Есть!
Ладонь к виску — и в пламя без оглядки.

Не смею набиваться к ним в друзья,
Примазываться к их посмертной славе,
Но, может быть, как современник я
По следу их пройти сегодня вправе.

Товарищ Флеров в первый день войны
Стал командиром батареи этой.
Какой?
Здесь уточнения нужны,
Раскрытие устарелого секрета.

Начнем с того, что на моей земле
Из чащ дремучих силилась пробиться
Мечта о межпланетном корабле...
Сначала — чудо-сказкой о Жар-птице;
А в прошлом веке на стене тюрьмы
Оставил смертник чертежи ракеты,
Чтоб в наше утро
Из калужской тьмы
Открылся вид на ближние планеты.
Модели фантазеров молодых,
Фантастов из кружков Авиахима,
Шипели наподобие шутих,
К вселенной устремлялись в шлейфах дыма.
Еще дорога слишком далека
До лунных гор и солнечной короны.
Пусть звездные мечтания пока
Потрудятся на нужды обороны:
Ракеты раскаленное перо
Запрятано в конструкторском бюро.

Пора тревог —
Июнь 41.
Не видно звезд, поскольку небо в тучах,
И вот готово первых семь машин,
Ракеты на своем хребте несущих.
Репортовал правительству нарком,
Мы завтра к испытаниям приступаем.
А на рассвете
Враг поджег наш дом,
И зарево взошло над мирным краем.
«Вставай, страна огромная!» — поют
По радио военные ансамбли.
Выходит богатырь на ратный труд,
Сверкают древние штыки и сабли.
Но есть у нас оружие посильней —
Такого мир не видывал доселе.
В сумятице и горе первых дней
Его проверить можно только в деле:
Для испытания передать в войска
Семь установок экспериментальных.
Предупреждают Ставка и Москва
О самом строгом соблюденье тайны.
Марш — по ночам.

Маскироваться днем.
На фронте испытания начнем.

Имею ли я право
Как поэт,
И жизнь и песню посвятивший миру,
На прославление боевых ракет
Настраивать, как говорится, лиру?
Жар-птицу славить ей
И звездолет!
Мы рождены, чтоб сделать былью сказку!
Но я шагаю в сорок первый год,
На лоб надвинув память, словно каску.
На фронт!
К исходу первых трех недель —
Отечество времен не знало горше —
В кругах бинокля наплывает цель —
Железная дорога. Узел Орши.
Он виден Флерову из-за леска,
Сквозь частокол зенитной обороны:
Беспечно разгружаются войска,
К платформам подползают эшелоны.

Скатать брезент!
Расчеты — по местам!
Подносчикам ракет укрыться в щели!
Включайте ток, товарищ капитан,
На первый раз кучней не сыщешь цели!
Кружок на карте — Орша — как нарыв.
Темнеет Днепр, как вздувшаяся вена.
Однако Флеров был нетороплив,
Он понимал ответственность мгновенья.
Почувствовали, может быть, тогда
Бойцы, и политрук, и инженеры,
Что не посмела, не смогла беда
Остановить приход межзвездной эры.
Им виделось, несчастью вопреки,
Что узкие зеленые снаряды —
Пробившиеся сквозь войну
Ростки
Неведомой
Космической рассады.

Торжественная, как Колонный зал,
Опушка, в каплях ландышей, притихла,
Когда он прошептал команду —
Залп!

И зашипела адская шутиха,
И затряслась, и ахнула земля
От первого ракетного удара.
Сто двадцать стрел,
Вселенную сверля,
Помчались за изгиб земного шара.
Июльский свет в мгновение зачах,
В пятнадцать двадцать
День, как в пропасть, канул.
На месте станции возник очаг,
Подобный пробужденному вулкану.
Проклятие фашизму!
Гибель — злу!
Пусть корчатся они в кипящей лаве.
По железнодорожному узлу
Возмездие металось, рельсы плавя.

Еще над Оршею клубился взрыв
И глухо эхо ухало над бором,
Когда свои машины зачехлив,
Позицию сменил спокойно Флеров.

Аж до Берлина докатилась весть,
Смятение и панику посеяв:
У русских адское оружие есть,
От огненных фугасов нет спасенья!
А до Москвы — так близко...
Горячась,
Фашистское начальство приказало
Преследовать ту дьявольскую часть
И захватить во что бы то ни стало.

Но, ловко маскируясь по лесам,
Удары наносила батарея.
Взрывались залпы,
И огонь плясал,
И ангел смерти над врагами реял.
И вновь смыкал вершины русский лес.
Отряд ни часу не стоял на месте.

Звалось БМ-13 и эрэс
Оружие неотвратимой мести.
Но где-то на смоленском рубеже,
Военный шифр бесхитростно нарушив,
Народ оружие окрестил уже
Из песни взятым именем «катюша».
И не гадал, не думал капитан,
Командовавший силой этой новой,
Что будет именем его —
«Иван»
Крещен снаряд трехсотмиллиметровый.
Беру я на себя немалый риск:
Вдруг выйдет мой рассказ недостоверным,
Каким был капитан-артиллерист,
Ракетчиком советским ставший первым?
Как увеличить мне его портрет,
Нашедшийся в архиве, в личном деле?
Без вести пропадал он двадцать лет,
Немудрено, что краски потускнели.
Теперь, когда известно — он герой,
Когда пришла к нему седая слава,
Простая вещь — пририсовать второй
Посмертный орден над карманом справа,
Но нелегко улыбку оживить,
То ль приподнять, то ли насупить брови,
Цвет глаз придумать и установить,
Какая в медальоне группа крови.

Мне кажется, я знаю, он каков.
Я убежден, что на него похожи
Гвардейцы огнедышащих полков,
Ракетчиками названные позже.
Когда с орбиты поступает весть
И на экранах проступают лица,
Пожалуй, что-то флеровское есть
В мерцающей улыбке тех счастливых.
А перед будущим они равны,
Хотя не «залп», а «старт» теперь команда,
И далеко до Марса и Луны,
И тяжесть пуска первого громадна.

...Осенний серый медленный рассвет.
Лес обезлиствел, как венец терновый.

Мне и сегодня,
Через столько лет,
Так горестно вам открывать секрет
Конструкции ракетных установок:
На крайний случай,
Если окружают,
Как приговор, мучительно и просто,
В машину вложен толовый заряд —
Взрывное предусмотрено устройство.
На пульте управления есть рычаг,
Притронешься к нему — машины в клочья.
Бойцы об этом знают, но молчат.
Вновь залпы днем, передвижение ночью...
«Убей его!» — суровы, как приказ,
Стихи в газете Западного фронта.
Но враг под Вязьмой окружает нас,
В стальные клещи зажимает плотно.
Уже со штабом потерялась связь,
Косым дождем ее как будто смыло.
Колеса жадно всасывают грязь,
Моторы на буграх режут уныло.
Что делать, капитан?
Ищите цель.
Мы в окружение.
Не робей, мужайся!
Я думаю, еще осталась щель,
Проскочим юго-западной Можайска.

Ведя колонну в глушь лесных дорог,
Следя устало за щитком приборов,
Все чаще на смертельный рычажок
Опасливо поглядывает Флеров.
Взорвать эрэс смогу ли? Да, смогу!
«Катюша» не достанется врагу.
Но клятвы — это лишнее сейчас.
Последние готовить залпы надо,
Чтоб израсходовать боезапас
До самого последнего снаряда.

Опушка леса.
Выгоны.
Пустырь.

Туман рождает видимость покоя.
На карте здесь — деревня Богатырь.
Вот у нее название какое!
Боготворю селений имена —
Из бревен рубленный народный эпос.
Подступит враг — и вмиг превращена
Изба простая в боевую крепость.
Но Флерову не до высоких слов,
Он сам, как крепость, ко всему готов
И простодушно думает о том,
Как посушить портянки после ливня,
Разведчиков направить в крайний дом,
Чтоб выяснить, где наши, где противник.

И вдруг из чащи
Острый блеск и треск.
В трясучке пулеметной заовражье.
Цветной огонь выплескивает лес:
Вокруг Богатыря — засада вражья.
Никак не развернуть машин в грязи,
Путь на восток отрезан и на запад.
Противник метрах в ста.
В такой близости
Нельзя его накрыть ракетным залпом.
И все ж команда —
Залп!
Куда ушли
Ракеты все — до самой до последней?
В грядущее...
За поворот Земли,
Быть может, первой трассой кругосветной,
Путем, которым через двадцать лет
Крутнет майор Гагарин по Вселенной,
Запомнив с детства мокрый луг и лес,
Горящие смоленские селенья.
Ведь он из этих богатырских мест.
Сейчас, поди, и в Гжатске враг лютует.

Взметнулось пламя на сто верст окрест:
Последним залпом Флеров салютует.
Вы, молодые, спросите меня:
Ведь нас одолевала вражья сила,

Ужели зарево того огня
Так далеко и ярко видно было?
Да, это был торжественный салют
В честь той нескорой,
Той святой Победы,
Когда все трассы, все огни сплетут
В единый луч
В Берлине ваши деды.

Контуженый и раненный в лицо,
Иван Андреич Флеров торопливо,
Как при прыжке парашютист кольцо,
На ощупь ищет рычажок для взрыва.
Цепь включена в машине головной,
Когда враги уже горланят рядом.
Удар!
Все установки до одной
Взрываются, как адские снаряды.
Смешались сталь, резина, кровь и грязь,
Но Флерова последние ракеты
Выходят на орбиту, золотясь,
Как огненные спутники Победы.

Там, у деревни Богатырь, в ночи
Погибли чувашаи, и горьковчане,
И первого призыва москвичи,
Но под Бородино,
На поле брани
Фашистов, рвавшихся к Москве, встречал
Еще дружнее залп ракет хвостатых.
Российская земля горяча,
Она умеет рубануть плеча,
И не впервой громить ей супостата!

А капитан и списочный состав
Той экспериментальной батареи,
Легендою и памятником став,
В огне московской битвы не сгорели.
Светлеют на граните имена,
Их дождь не смывает, время не состарит,
Ракета —
В космос,

В мир устремлена,
Кремлевской башней высится на старте.
Первоисточник этой красоты,
Начало штурма внеземных просторов —
Окраина деревни Богатырь,
Где смерть поправ,
Ушел в бессмертье Флеров.

1981

Весть

Поэма

Есть больные безответные вопросы,
Со времен войны стоят они
За пределами стихов и прозы,
Но не устарели в наши дни.
А ведь надо и пора
Поставить точку
Под бедой,
Напоминающей собой
Пулеметную оборванную строчку,
Тишину, когда проигран бой.

Поле битвы плуг истории пропашет,
Не найдешь и ржавого осколка...
Ну а если речь
О без вести пропавших?
Знаете, их было сколько?
Фосфорной струею их из дотов выжгли
В Бресте, Коломые, Перемышле,
Танками под Ригой растоптали...
Без свидетелей они на дно пошли
В тот треклятый день,
Когда, оставившие Таллин,
Прорывались и тонули корабли.
В рукопашную они бросались честно
На границе
И на подступах к Москве.

Разве может человек исчезнуть,
Затеряться, как патрон в траве?

Даже птицы в мире на учете:
Сколько при отлете
И прилете.
Разве на планете нашей тесно,
Чтобы вновь и вновь
Производить отстрел?
В «Красной книге» человечеству не место,
Потому и скорбь все горше и острее.
Нету сына,
Нету мужа,
Нету брата,
Нету деда и отца...
На всех одна
Есть могила Неизвестного солдата,
Пламя Вечное,
Кремлевская стена.
Но и перед этим обелиском
Смерть с бессмертием ведут неравный спор:
Утешенье, как найти родным и близким
Тех,
Кто числится пропавшим до сих пор?

Женщина молилась, умирая:
Он войдет,
Поймет, как я ждала,—
Мать ему ведь я,
А не земля сырая,
Как он там, без моего тепла?
Ставшие старухами невесты
В чемодане берегут фату:
Не погиб он,
Лишь пропал без вести...
Смерть, не трогай эту чистоту.
Тонкогубы и простоволосы,
Жены их давно в семье второй,
А ведь продолжают слать запросы —
Вдруг еще найдется мой герой.
Жжет незаживающая рана,
А в сибирских избах
Столько лет
Обнести не смеют черной рамой
Переснятый с карточки портрет.

...Мой рабочий стол — как поле битвы:
Пачки писем — надолбы и рвы.
Ничего, вы говорите, не забыто?
Это верно, это точно, вы правы.
Но тогда прошу спасти меня от муки,
По лицу вопросы бьют, как плеть.
Вопрошали сыновья,
Теперь все чаще — внуки:
Ты из сорок первого?
Ответь,
Объясни, куда девались наши деды.
Пенсию платил военкомат,
Но не в пенсии теперь уж дело,
В том, что непонятно — где солдат.
День Победы — праздник всенародный
Даже и для сирот, и для вдов.
Приговор судьбы бесповоротный
Ясен, как бы ни был он суров:
Ваш герой погиб в сражение за Отчизну.
Почесть воздана,
И время править тризну.
Но исчезнувших без вести семьи
Исповедуют иной устав:
Нету ни на скорбь,
Ни на веселье
До сих пор у них всеобщих прав.
Вечным ожиданием томимы,
Связаны тревогою всегда,
В даль времен глядят они...
А мимо,
Как призывники, спешат года.

К полусиротам
И полувдовам
Я в кварталы новые пойду,
Чтобы сбивчивым неловким словом
Подтвердить и объяснить беду.
Вдруг сорвусь
И объявлю им прямо:
Невозможна встреча впереди.
Ты забудь, жена,
Простите, мама,

Сын, не жди отца,
И деда, внук, не жди.
Не вернуться им!
Мечтой себя не тешьте...
Говорю, а сам согбен тоской.
Не осталось никакой надежды,
Заявляю честно —
Никакой.

Тридцать лет тому назад,
И двадцать
Я б такого утверждать не смел,
Мог предполагать и сомневаться,
Так ли беспощаден их удел,
Мог еще наивно верить в чудо
Пограничной схватки штыковой —
Вдруг товарищ вырвался оттуда
С забинтованною головой;
Может быть, в Триесте аль Перудже
В списках итальянских партизан,
Подтверждая братство по оружию,
Русский обнаружится Иван.

Так я рассуждал,
Опять и снова
Пред собою письма разложив,
Утешался формулой суровой:
Нету в списках мертвых, значит, жив.

...Суматошный мой день начинается рано.
Дел — навалом, звонки, и народу полно.
Но когда салютует волшебным экраном
Через улицу, в доме напротив, окно,
Входит в комнату память.
Встают побратимы
В длиннополых шинелях
Еще без погон.
Сквозь кинжальный огонь
В рукопашную шли мы
И еще знать не знали про Вечный огонь.

Память словно экран.
Проступает все четче
Обрамленное шлемом, как нимбом, лицо.
Украинский испанец, отчаянный летчик,
Прилетавший для связи к зажатым в кольцо.
Под огнем оторвался от пашни не сразу
В рваных клочьях обшивки хромой самолет.
Скрылся в тучах,
Да вот не вернулся на базу,
А механик сидит возле неба и ждет.
Недотрога, студенточка, кажется, Светка
В штаб отряда сдала комсомольский билет,
Как ушла
В сорок первом, в июле, в разведку,
Век уже на исходе,
Девчонки все нет.
А недавно скончался конструктор ведущий,
Партизан, ей тогда заменявший отца,
И, представьте, нашли у него под подушкой
Тот билет довоенного образца.

Люди спросят:
А был ведь обозник ледащий,
В лагерях свою совесть сменявший на хлеб.
Только он не пропавший,
Он просто пропащий,
И вопрос о его воскрешенье нелеп.
Возвратился бы — может, его бы простили,
Но страшился предстать перед очи отца.
Ходит слух,
Что он заживо сгнил в Аргентине...
В страшной сказке
Не сыщешь печальней конца.
Ладно, хватит о нем...

Счастлив я своей долей,
Тем, что видел
Бесстрашных и гордых людей,
С ними я перешел жизни минное поле,
Верил в завтрашний день,
Встретил завтрашний день.
Но сегодня, ребята, прощаюсь я с вами.
Хоть не в силах свои регулировать сны,

Наяву утверждаю — пришло расставанье,
Вы уже никогда не вернетесь с войны.
Не исчезли без вести,
А честно погибли.
Эту формулу надо принять как закон.
В колыбели планеты,
Как в братской могиле,
Спите вы, не дождавшись своих похорон.

Из военных времен в наши дни и события
К вам тяну, как связист, телефонную нить.
Мы тогда назывались войсками прикрытья,
Нынче надо планету собою прикрыть.
Перевернута грозной эпохи страница,
Салютующих пушек развеялся дым...
Всем, кто верил и ждал,
Мы должны поклониться
Долгим русским, советским
Поклоном земным.
Спрятать поздние слезы,
Быть может, удастся.
Безутешного горя хватив через край,
Обратимся, друзья, к своему Государству:
Ты пропавшими
Больше сынов не считай!
Пусть их вдовы и сестры,
Их дети и внуки
Станут с семьями тех, кто погиб, наравне,
Им вручи извещение о вечной разлуке,
Объяви, что погибли они на войне.
Для бессмертья нет рангов
И нет категорий —
Кто исчез без следа,
Кто — по справкам — убит.
Все на фронте сгоревшие —
Гордость и горе,
Обо всех и о каждом Отчизна скорбит.

Так тревожно кончается это столетье,
Перенесшее две мировые войны.
Против нас замышляют сегодня и третью,
Их ракеты крылатые наведены.

Расщеплен злою волей отчаянных бестий
Дикий атом...
В реакторах адских бурля,
Угрожает он сделать пропавшей без вести
Во Вселенной теперь всю планету Земля.
Перед новой опасностью все мы едины.
Нашей доброй планете пропасть не дадим.
Для истории равенство необходимо:
Мертвым вечная слава,
И слава живым.
Не пропали без вести и вы, наши предки,
Вы являетесь нам, не состарясь ничуть,—
Комсомолочка, что не пришла из разведки,
И пилот, что не смог до своих дотянуть.

Имена ваши
Мы нанесем на гранитные плиты,
На бетон и на мрамор
И вплавим в металл.
Повторим нашу клятву:
Никто не забыт, и ничто не забыто,
И добавим:
Без вести никто не пропал!

Испанские сюжеты

Романс о Гарсиа Лорке

В Гренаде,
Точней — в Гранаде,
Земля — как хлебная корка,
На этой земле золотистой
Родился Гарсиа Лорка,
Ждала и встречала сына,
Дарила ему Гранада
Солнышко апельсина,
Алый цветок граната.

Приехал я поклониться
Товарищу Федерико
В долину кровавой свадьбы,
Молчания или крика,
Но так и не смог узнать я,
Где место его расстрела,
Где встали кресты распятья
Поэта и двух тореро.

А в чем его обвинили,
С пристрастием допросили?
А в том, что по радио ночью
Поэт говорит с Россией.
Понять ли тупым гориллам,
Что это не радиоволны,
Что с нами тогда говорил он
Испанскою песней вольной.

Важнейшая есть подробность
Того грозового лета:
Мятеж начался с убийства
Мечтателя и поэта.
Испытано нашей жизнью,
Заверено смертью честной,
Что кровным врагом фашизма
Была, есть и будет песня.

Так, значит,— она бессмертна.
Так, значит,— играй, гитара,
Раскручивая фламенко,
Стучи каблучком, гитана.
Нет места для слез, но надо,
Чтоб помнилось зло и горько:
В Гренаде, точнее — в Гранаде,
Расстрелян Гарсиа Лорка.

Мария де ля О

Кружится испанская пластинка...

К. Симонов

Рассказать я вам могу,
Как испанская пластинка
На последнем берегу
В блиндаже у нас гостила.
Моложавый генерал
Заводил ее, бывало,
Древний патефон играл
До конца и вновь сначала.
И конечно, оттого
Всем бойцам была известна
О Марии де ля О
Замечательная песня.

Шел обстрел со всех сторон.
Заскочил в блиндаж осколок,
Иskalечил патефон,

Вдрызг испанский диск раскокал.
Есть утраты пострашней
В беспощадном поединке,
Но грустили мы о ней,
О Марии на пластинке.

Умножает счет потерь
Шаг, а может, бег столетья.
Из дивизии теперь
Я — единственный свидетель.
Нет рядом никого...
Несмотря на все усилья,
След Марии де ля О
Не могу найти в Севилье.

Но вмешался продавец
На развале, возле рынка:
Отыскалась наконец
Уцененная пластинка!
По кругам игла плывет,
Но не узнаю Марии
Де ля О...
Мотив не тот,
Ритм иной,
Слова другие.

Встреча со Светловым

Тема — старый друг и теплоход —
С той поры, как Маяковский встретил Нетте,
Откровенным штампом отдает,
Повторением в идее и сюжете.
Я боюсь чужих стихов и слов,
Берегу свои!
Но как не повториться,
Если встретился мне теплоход «Светлов»
В голубой и знойной загранице.
Сам Светлов за рубежами не бывал
(Прозевал путевку в «Интуристе»),

Правда, он в Берлине воевал,
Неуклюжий и смешной танкистик.
А теперь ему открылся путь
С мировым размахом,
Силой русской.
В Барселоне, а не где-нибудь,
Я его увидел под погрузкой.
Заявил гудка веселый зов
О светловском новом первородстве:
«Видишь, начинаю жизнь с азов
Служащим — в Азовском пароходстве.
Завтра поплыву домой опять,
А потом куда-нибудь в Гвинею.
До Гренады здесь рукой подать,
Но ходить по суше не умею».

Понимаю я мечту твою и боль,
Ничего мне объяснять не надо.
За тебя, пожалуйста, позволь
Съездить в эту самую Гренаду!
А пока порадуйся, мой друг,
Я вчера «Смирнова» встретил в море
И недавно в окружении фелюг
Видел «Паустовского» в Босфоре.
Целый флот писательских имен!
Продолженье жизни — пусть сквозь бури.
В обороте столько брутто-тонн —
Ну и тяжесть! Как в литературе!

Знаю, я на теплоход не потяну:
Жил я суетно, работал мало,
Но так хочется в морях листать волну
И беседовать с друзьями у причала.
Потому прошу Морфлот:
Когда умру,
Назовите мной буксирный катер,
Буду я гудком будить вас поутру,
Хрипло окликать вас на закате.

Открытка другу

Родилось в долине утро,
Зажурчало, как ручей,
Лиловатое от ультра-
Фиолетовых лучей.
Вслед за нежными лучами
Приближается жара.
Желтой крепостью зубчатой
Коронована гора.
Камни — серою отарой,
Овцы — грудой камней,
И при них пастух с гитарой
На хромающем коне.
...Почтальон в твою калитку
Осторожно постучит,
Иностранную открытку
Вместе с пенсией вручит.
Крепость, овцы, конь, гитара —
До чего знакомый мир!
Твой рубеж — Гвадалахара,
Твой романс — Гвадалквивир.
Там на марке — профиль Франко.
Плюнь! Невелика беда —
На монетах и на марках
Он мелькает иногда.
Понимаю я, товарищ,
Как болит твоя душа.
Марку подлую отпаришь,
А открытка хороша.
Вид расплывчат и заманчив,
Как сквозь призму, сквозь слезу.
В утешенье из Ламанчи
Горсть земли тебе везу.

Испанские дети

Испанских детей от бомбежек ночных увезли
На трех теплоходах,
Как будто на трех галионах.
Вдруг вахтенный с мачты увидел в свинцовой дали
Народные толпы
И пристань в цветах и знаменах.

То было в трагическом давнем-предавнем году.
Испанские дети
В пилотках и галстуках алых
Узнали, как здесь принимают чужую беду,
И без перевода любой человек понимал их.

Потомки Колумба открыли Советский Союз,
Он грустно и нежно мужские объятья открыл им.
Молились:
Мы завтра вернемся на землю свою
К оливам и пальмам,
Ступенчатым улочкам милым.

Но срок возвращения зыбился, как горизонт.
Война докатилась от Герники до Ленинграда.
Испанские юноши просят пустить их на фронт.
Досталось им все —
Партизанский отряд и блокада.

Они защищали
Испанский и русский свой дом.
Не каждому выпало выжить и выстоять в буре.
Когда «голубая дивизия» вышла на Дон,
Повел контратаку гвардеец Рубен Ибаррури.

...Те красные галстуки
Взрослыми стали давно,
Внучата приходят поздравить с пятидесятилетием.
И все же за ними историей закреплено
Их первоначальное званье —
Испанские дети!

Отчизна прекрасна, какой бы она ни была.
Они возвращались...
Еще это было при Франко.
Подрезаны крылья, и гнезда сгорели дотла...
С особым пристрастьем за ними следила охранка.

Наверное, легче к планете иной привыкать,
Чем к этим порядкам, по книгам знакомому строю.
Но здесь ты рожден.
Здесь погибли отец твой и мать.
Проклятья... Отчаянье...
Все это было, не скрою.

Отчизна, Иберия, ты наяву, не во сне!
На крышах базилик лукаво смеются химеры.
О, как вас увидеть счастливыми хочется мне,
Испанские дети,
Седые мои пионеры!

Фонтан

То возникает вдруг волшебный лес,
То океана зыбятся буруны,
То музыку возносят до небес
Свободных струй серебряные струны.

Вода и пламя так переплелись,
Что кажутся уже единым целым,
Подобно радуге взмывают ввысь
И рассыпаются каскадом белым.

...Совсем недавно умер в нищете
Создатель барселонского фонтана.
Всю жизнь хранил он верность красоте
И не оставил чертежа и плана.

Фонтана тайну разгадать нельзя,
Он строен, как орган, загадочен, как космос.

Колышутся, по музыке скользя,
Воды с огнем трепещущие космы.

Купец заморский приезжал сюда,
Он предлагал за чудо миллионы.
Но суждено фонтану навсегда
Остаться украшением Барселоны.

Юни в Барселоне

В тени Барселоны, под сенью каштанов, на Рамбле,
Где в створе бульвара виднеется белый кораблик,
Где в клетках щебечут щегол, канарейка и зяблик,
На Рамбле гитары играют, на Рамбле, на Рамбле.

О, как хороши эти мирные, добрые звуки!
Танцуют кумиров моих черноокие внуки,
Друг другу на плечи кладут беззаботные руки
И ходят по кругу под мирные добрые звуки.

Не знал я, как просто идиллию эту испортить,
Но вижу — шеренгой шагают на Рамбле из порта
Заморские парни в спортивных рубашках и шортах
И, кажется, могут все это веселье испортить.

Я слышал — у них существует железный порядок:
Когда увольнение с подлодок и авиаматок,
Лишь в штатском пускают бродить
Этих славных ребяток,
Чтоб Штатов своих не позорить,— таков уж порядок.

Какого же дьявола к берегу мирной оливы
На серо-свинцовых посудилах ночью пришли вы?
Лет десять назад я вас видел в Тонкинском заливе.
Вас вовсе не ждут олеандры, щеглы и оливы.

Но это риторика. Мне и не надо ответа!
На Рамбле, на Рамбле горит каталонское лето.

Семнадцать часов непрерывного зноя и света.
Гитара и танец. Другого не надо ответа.

И вдруг — бескозырки, холщовые наши матроски,
Наплечное море и свежих тельняшек полоски.
А кто эти гости — совсем еще вроде подростки,
Однако не дети, хотя и одеты в матроски.

Вот встреча так встреча!
Не знаю, чудно́ или чу́дно —
В газетах писали — учебное прибыло судно,
И вот наши юнги на Рамбле, веселом и людном,
И все им в Испании тоже чудно́ или чу́дно.

Немного смущенные русые наши ребята...

«Откуда приплыли?»

Ответили: «Мы из Кронштадта».

Мадрид, метро

Как ритмы кастаньет — по рельсам поезда
Врываю́тся в туннель, трубя и воя.
Прощаю́тся в метро,
Как будто навсегда,
Целуются, смеются, плачут двое.
Вокруг свистки, сигналы, песня, речь
И толкотня короткой остановки.
Он вынужден, чтоб как-то уберечь,
Держать ее в объятиях неловких.
Прощаю́тся в метро.
Здесь их алтарь и дом,
Их крыша и балкон,
Столовая и спальня.
Они совсем одни,
Одни они вдвоем,
Их станция метро — весь мир и вся Испания.
Их вылепил Мадрид, как монумент любви,
В рубашках нараспашку, в джинсах грубых.
Их бронзовый союз попробуй разорви!

Расплавлены жарой, соединились губы.
Безумье и восторг полуоткрытых век,
А вам смешно?
Нет ничего смешного:
Прощаются в метро
На весь двадцатый век...
Сейчас расстанутся...
Но вдруг спаялись снова.
Цепь жизни не прервать, не разорвать,
Но двое расстаются обреченно.
Условились, что встретятся опять
Здесь через два часа — у первого вагона.

Романс о Дон-Кихоте

Над Испанией — король на вертолете!
Современность — изо всех щелей и пор.
Что я нового скажу о Дон-Кихоте,
Об идальго, ведшем с мельницами спор?

Не о нем романс хочу сегодня спеть я
(Устарели латы и копье),
Славлю рыцарей двадцатого столетья,
Представлявших поколение мое.

Из пятидесяти стран они приплыли,
Прилетели и приехали сюда,
Понимая, что сражаться надо или
Уничтожит мир фашистская орда.

Всех героев я перечислять не буду,
Но, поставив честь и совесть во главу,
Назову Хемингуэя и Неруду,
Матэ Залку и Кармена назову.

Назову еще танкистов и пилотов,
Недостаточно прославленных пока,
Всех отчаянных и добрых Дон-Кихотов
(Санчо Панса в экипаже за стрелка).

Ничего, что на испанцев непохожи,
Соответствуют, увидены сквозь дым.
В Дон Кихоты я просился чуть попозже
И хотел бы навсегда остаться им.

Хоть пытайте, четвертуйте, ставьте к стенке,
Не удастся переделать в жизни нас.
Вот об этом в ритме старого фламенко
И написан и исполнен мой романс.

Бурный берег - Коста Брава

Слева — мир агав, а справа —
Мир оливковых олив:
Бурный берег (Коста Брава),
Перламутровый залив.
Я иду, под солнцем парясь,
Рву ромашки по пути.
Мне испанцы дали адрес,
Объяснили, как пройти.
Кровь стучит в висках все громче:
За курортом на шоссе
Полевой аэродромчик,
Марь на взлетной полосе.
Приземляются на это
Поле, выйдя по дуге,
На стрекозах-авиетках
Богачи из ФРГ.
Но иные крылья снятся
Здесь травам и цветам:
Наш курносый И-16
Разбегался и взлетал...
В небе жаворонка щебет,
А за полем — на краю,
Вросшие в песок и щебень
Камни в траурном строю.
На камнях — инициалы,
Нет имен, фамилий нет,
Ни венка, ни ленты алой,

Никаких других примет.
Я-то знаю, как зовется,
Кто был кто — из вас любой,
Комсомольцы-добровольцы,
Встретившие первый бой.
Смотрят прямо в души ваши
От Отчизны вдалеке
Детские глаза ромашек
На сухом известняке.

Герника

В прах, в клочья,
В щебень, в пыль, дотла...
Мучительно... Невыносимо...
Сначала Герника была,
Потом уж — Хиросима.
Но первых тысячу шестьсот
Испанцев, легших под обломки,
Тем, кто открыл кровавый счет,
Вовеки не простят потомки.

Накрыта «хейнкелями» цель —
Базар на площади старинной.
Был год тридцать седьмой, апрель,
И, потрясенный той картиной,
Пикассо «Гернику» свою,
Трагедию долины баскской,
Как будто порохом в бою,
Писал одною черной краской.

Не исчисляется беда
Подсчетом трупов.
Суть не в этом.
Фашизм рождается, когда
Честь, совесть, правда — под запретом.
Расстреливай, насилуй, жги
Бесстыдно, незаконно, гордо,

Подкованные сапоги
Ставь человечеству на горло.

Кто мог и не хотел помочь,
Кто безразличен был и робок,
И сам изведаль вскоре ночь
Обстрелов и бомбардировок.
Фашизм Европу не щадил,
Он жег Париж и Лондон рушил,
Несметные ряды могил,
Живых затравленные души...

Сначала Герника.
Потом —
Девчонки наши у зенитки.
Горел, но выстоял мой дом
В почти четырехлетней пытке.
Потом был сорок пятый год,
Исход войны, как август, ясен,
Но атомную смерть несет
На Хиросиму новый ястреб.

Забыть планета не должна,
Как «хейнкели» заходят, воя,
Как в Гернике была дана
Свобода смерти, бомбе — воля.
Рефракции седая прядь,
Как прядь страданья в глуби синей.
Так вся планета может стать
Вновь Герникой и Хиросимой.

18 июля 1980 года

На узких улицах, на склонах скал,
Где жалюзи зажали окна слепо,
В тот день раздался радиосигнал:
«Над всей Испанией безоблачное небо!»
Безумный праздник пули и ножа
Открыт был восемнадцатым июля.

Сегодня годовщина мятежа,
И на плакатах — пауки вдоль улиц.
Украшен лентами гигантский крест
На южном склоне Сьерра-Гвадаррамы.
Идут фашисты, повторяя жест,
Грозящий новым актом старой драмы;
Идут, и наподобие штыка
Блестит фаланги наглая огранка:
От локтя косо поднята рука
Солдат генералиссимуса Франко.
На площади, где правят бой быков,
Они клянутся в верности каудильо.
Фаланги дикий марш средневеков,
Но в нашем веке так они ходили!
Рукав мундира — свастика в кругу.
Здесь пахнет шабашом, столпотвореньем.
Никак я примириться не могу
С таким национальным примиреньем.
А разве ты не чувствуешь — горит?
Не замечать опасно и нелепо.
Июль.
День восемнадцатый.
Мадрид.
Над всей Испанией безоблачное небо.

Берет

Испанцам расскажу, как умирал
Обычно получавший жизнь в награду
За храбрость
Синеглазый генерал,
Которого я знал по Сталинграду.
Он не всегда по форме был одет:
Случалось, только вынырнув из боя,
На кудри он натягивал берет,
Отчаянно красивый сам собою.
Но потому, что он летал как бог,
Его никто ни в корпусе, ни в части
За нарушение пожурить не мог —
Ни комиссар, ни высшее начальство.

Нерусский старый головной убор
Уже лет тридцать как исчез куда-то.
Года бегут — о чем тут разговор,
И что берет для старого солдата?

Но есть особый воинский учет,
Срок жизни не предсказан в личном деле.
Но пасаран!
Он понял, что умрет
Сегодня.
Не в сражение, а в постели.
Когда в окне короткий вечер гас,
Он улыбнулся вдруг, справляясь с болью,
И попросил немедленно, сейчас
Найти берет, небось побитый молю,
И в госпиталь доставить.
Дом вверх дном!
Но как не выполнить последней воли?

Испанский тот берет нашли с трудом
В курсантском сундучке, на антресоли.

...Процессия осенней шла Москвой,
И трубы медные вздыхали тяжко.
Лежал берет на крышке гробовой
В соседстве с генеральскою фуражкой.

К Берегу века

Век двадцатый прекрасную знает страну
Мореходов, художников, рыцарской чести,
Но она оказалась в фашистском плену,
Бедовала, как воин, пропавший без вести,
Как певец, обессиленный кляпом во рту,
Как орел, ослепленный повязкой надглазной...
Карлик грязью измазал ее красоту,
Объявил карантин, как при хвори заразной.

Как мучительно мало мы знали о ней!
Письма не доходили... Не шли телеграммы.

Только слухи о мрачных шеренгах теней,
Возводящих некрополь в горах Гвадаррамы.
Но не в пропасть направлен истории ход.
Небо мира нельзя оболгать голубое.
И нашелся пропавший без вести народ,
И нашел в себе силы остаться собою.

Он выходит навстречу тревожному дню,
Он стирает наследье диктаторской власти,
Он смывает с великих полотен мазню,
Чтобы вновь проступили и краски, и страсти.
И на каждом углу можно здесь повстречать
Удлиненные лица с портретов Эль Греко.
Галионы Колумба как будто опять
Приближаются к берегу нашего века.
На балконах цветы образуют венки,
Дышит вечер романсами Гарсиа Лорки.
А зловещие свастики, как пауки,
Уползают куда-то во тьму, на задворки.

Ключи от Квартиры

Мировой ты мужик, удивительный Пако!
Век живи!
Человечество дружбе учи!
Полчаса лишь мы были знакомы, однако
Ты успел мне вручить от квартиры ключи.
Лишь прослышав, что кто-то приехал советский,
На вокзал ты примчался, схватил чемодан
И сказал, не стесняясь наивности детской:
— Я теперь москвича никому не отдам! —
И сказал:
— В холодильнике сыр и оливки;
Экономь электричество, воду и газ;
На балконе цветы — не забудь о поливке,
Предпочтительно в ранний, предутренний час, —
Не успели мы досыта наговориться,
Ты отправился в отпуск с женою и псом
И оставил меня натуральным мадридцем:
Я твой дом охраняю, как собственный дом.

Электричество, воду и газ экономлю,
Просыпаюсь чуть свет, поливаю герань,
Понимаю испанский, когда за стеною
Серенада слышна
Иль веселая брань.
Сквозь барьер звуковой и барьер языковой
Поднимаюсь на лифте в квартиру твою
И, освоюсь вполне с обстановкою новой,
Изучаю фривольный журнал «Интервью».
Но пора и до дому!
Квартира в порядке,
Как вернешься, мой точный отчет получи.
Оставляю стихи из испанской тетрадки
И твои оставляю соседям ключи.
К ним прицеплен
Мой ключ от квартиры московской,
Отпирай и входи, как приедешь в Москву,
На углу Третьей Фрунзенской, там я живу,
Компаньеро Эухенио —
Евг. Долматовский.

Мадрид — Гранада — Барселона — Москва

1980

Содержание

I

Телефон доверия	4
Я Родине предан...	6
Микрорайоны	7
Земной вам поклон	9
Нам удивительно повезло	11
Наказ депутату	13
Свежий ветер	15
Болтовня	17
Полемика	18
Бермудский треугольник	19
Комендантский час	21
Берлин, 10 мая 1933 года	23
Стружские вечера	24
Туристы из США	26
Колючие заметы	28
Из песен...	
Земля людей	30
Орешек	31
Песня о маршале Жукове	32
Миражи	33
Песня для близких друзей	34

II

Престиж	36
Интерьер	38
Насчет воспоминаний	39
Старые газеты	41
«Город к празднику бурно готовится...»	43
Предки	45
Пусть летит	47
Впечатления прошлого лета	48
«Если вы проснулись в прекрасном настроении...»	50
Апофеоз ревности	51
Попытка измены	52
Тропинка-недотрога	54
Односельчане	55
Заменители	57
В день рожденья	58
Могилевское поле	59
Ты	60
Звездный дом	61
Ожидание утра	62
Латвийские мотивы	
След на песке	64
Рижское взморье	65
Органный концерт	66
Незавершенная повесть	68
Друг юности	69
Шар земной именуется миром!	70
Ночью	71

III

Раздумье о подвиге	74
Напутствие	76
Дружба с камнем	77

Спасибо всем	79
Полустанок	80
Романтика	82
Современная сказка о золотой рыбке	83
Юнга на мачте	85
Кредо	86
Правила поведения великанов	87
Улыбочка	88
Приглашение к путешествию	89
Хранить вечно	91
Человек такого-то	93
Заявление во ВТЭК	95
Поздняя любовь	97
Восторги	98
Круговая порука	99
Про спекулянта	101
Совершенство	102
Держите вора!	103
Шут	104
Тряпки-шмотки	106
Изобретатели	107
Распишись!	108
Золотая зона	110

IV

Перекличка	112
Приграничная баллада	116
У деревни Богатырь (Поэма)	121
Весть (Поэма)	131
Испанские сюжеты	
Романс о Гарсиа Лорке	138
Мария де ля О	139
Встреча со Светловым	140
Открытка другу	142
Испанские дети	143

Фонтан	144
Юнги в Барселоне	145
Мадрид, метро	146
Романс о Дон-Кихоте	147
Бурный берег — Коста Брава	148
Герника	149
18 июля 1980 года	150
Берет	151
К берегу века	152
Ключи от квартиры	153

Долматовский Е. А.

Д64 Стихи из дневника.— М.: Советский писатель, 1986.— 160 с.

В новую книгу стихов известного советского поэта, лауреата Государственной премии СССР Евгения Долматовского включены произведения, созданные в восьмидесятые годы. Поэт делится своими раздумьями о жизни, о мире, о будущем нашей планеты. Публицистическая взволнованность, характерная для творчества автора, оттенена доверительной интонацией, непосредственностью обращения к читателю. Книгу отличает широкий тематический охват, жанровая разнообразность.

4702010200—448

Д—————191—36
083(02)—86

ББК 84.Р7

Евгений Аронович Долматовский

СТИХИ ИЗ ДНЕВНИКА

М., «Советский писатель», 1986, 160 стр.
План выпуска 1986 г. № 191

Редактор А. В. Кафанов
Худож. редактор В. В. Медведев
Техн. редактор Н. В. Сидорова
Корректор В. Е. Бораненкова
ИБ № 5420

Сдано в набор 28.05.85. Подписано к печати 13.12.85. А06563.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Журнальная рубленая гар-
нитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8,40. Уч.-изд. л. 5,75. Тираж
75 000 экз. Заказ № 397. Цена 75 коп.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель»,
121069, Москва, ул. Воровского, 11.
Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

75 коп.

Elfr. Johnson

Elfr. Johnson